

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, у Владимирской, домъ № 15, кв. № 3.

1870.

умножилось, что повсюдова толпами ихъ видно: Лицьны, Рапцовы и прочие, которые или дворянство получаютъ, либо по случаю или за деньги до знатныхъ чиновъ доходятъ, что кажется хотятъ истребить честь законного рожденія и незакрыто содерга метресь, являются знатные люди насыщаться и святостю закона, и моральными правиламъ и благопристойности. И тако можно сказать, что и сіи злы толь обыкновенный въ инышнее время, отрыгнули корень свой въ сіе царствованіе.

Такое было расположение нравовъ при концѣ сея императрицы и она, скончавшись, оставила престолъ свой племяннику своему, сыну старшей своей сестры, Анны Петровны, бывшей за герцогомъ Голстинскимъ, Петру Федоровичу, государю, одаренному добрымъ сердцемъ, если можетъ оно быть въ ченоѣ, не имѣющемъ ни разума, ни нравовъ;

Сей, възшедшій на всероссійскій престолъ, къ поврежденнымъ нравамъ бывъ самъ съ излихвою поврежденіемъ, равно по природному своему расположению, такъ что и во все время царствованія императрицы Елизаветы старались наиболѣе его нравы испортить, не могъ исправленія имъ сдѣлать.

(окончаніе слѣдуетъ).

Князь М. М. Щербатовъ.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА ПАВЛА СТЕПАНОВИЧА РУНИЧА О ПУГАЧЕВСКОМЪ БУНТѢ.

Въ бумагахъ бывшаго въ царствованіе императора Александра I попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа Дмитрия Павловича Рунича, поступившихъ въ распоряженіе „Русской Старинѣ“, найдена рукопись, писанная на толстой сѣрой и синеватой бумагѣ, состоящая изъ пяти тетрадей, — 98 страницъ. На оберткѣ рукою покойнаго Д. П. Рунича сдѣлана надпись: «Записки батюшки о Пугачевскомъ бунтѣ». Записки написаны собственnoю рукою Павла Степановича Рунича крупнымъ, четкимъ почеркомъ, со множествомъ на поляхъ и въ примѣчаніяхъ вставокъ, дополненій и отмѣтокъ.

Всѣдѣ затѣмъ въ тѣхъ же бумагахъ найдена и черновая рукопись записокъ; за исключеніемъ двухъ-трехъ листовъ, она также писана рукою П. С. Рунича.

При тщательномъ сличеніи послѣдняго экземпляра (написанного крайне неразборчиво и спутанно) съ первымъ, оказались значитель-

ные варьанты. Эти разнорѣчія частью касаются изложения, частью представляютъ подробности почему-то не внесенные авторомъ въ бѣловой экземпляръ записокъ.

Печатая на страницахъ „Русской Старины“ этотъ бѣловой экземпляръ, мы нашли не лишнимъ внести въ него всѣ тѣ разнорѣчія и дополненія изъ черновой рукописи, которая, по нашему мнѣнію, сколько-нибудь интересна; при этомъ всѣ таковыя вставки мы поместили либо въ текстъ разсказа П. С. Рунича — отдѣливъ ихъ однако скобками, либо въ примѣчанія, — смотря потому, какъ близка связь этихъ вставокъ съ соотвѣтственными мѣстами разсказа; затѣмъ мы, само собою разумѣется, не позволили себѣ никакихъ исправленій въ изложеніи записокъ, — изложеніи, мѣстами весьма неправильного и особенно изобилующаго дѣепричастіями, и только для удобства чтенія раздѣлили записи на главы съ отмѣткою ихъ содержанія.

Что касается до автора записокъ, то вотъ нѣсколько данныхъ изъ его біографіи. Павелъ Руничъ былъ сынъ выходца изъ Угорской Руси (Венгрии), поселившагося въ южной Россіи въ царствованіе Елизаветы Петровны. Онъ родился около 1747 года и довольно рано потерялъ отца. Дядя его, генераль-поручикъ Черневичъ, взялъ на себя заботы объ осиротѣвшемъ мальчикѣ и опредѣлилъ его въ сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ. По окончаніи воспитанія въ этомъ лучшемъ, въ то время, въ Россіи заведеніи, Руничъ поступилъ въ военную службу и вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ Петромъ, съ отличиемъ служившимъ офицеромъ еще въ семилѣтнюю войну, участвовалъ въ первой турецкой кампаніи, подъ начальствомъ Петра Ивановича Панина, знавшаго Павла Рунича еще въ бытность того въ корпусѣ. Въ кровавомъ штурмѣ Бендера — капитанъ Петръ Руничъ былъ сильно раненъ и скоро отъ ранъ умеръ. Въ славномъ бою при Ларгѣ, 7 июля 1770 г., авторъ настоящихъ записокъ храбрый воинъ, былъ сильно контуженъ; служилъ онъ въ это время квартирмейстеромъ и къ концу этой кампаніи имѣлъ чинъ майора.

Пугачевскій бунтъ и затѣмъ назначеніе гр. П. И. Панина усмирителемъ взволнованнаго мятежемъ Низового Края — застало Рунича въ Москвѣ, куда онъ прибылъ въ началѣ 1774 года изъ южной арміи для пользованія отъ контузіи. Явясь къ давнему своему благодопріятелю, Руничъ былъ зачисленъ въ его свиту, а нѣсколько дней спустя, назначенъ въ составъ особой Секретной комиссіи, прибывшей въ Москву изъ Петербурга.

Съ цѣлью учрежденія и со всей судьбой этой курьезной комиссіи — читатели подробно познакомятся изъ настоящихъ записокъ; здесь же достаточно сказать, что ея задача было схватить Пугачева, посредствомъ подкупа его приближенныхъ. Комиссія должна была какъ можно скорѣе приблизиться къ главнымъ скопищамъ Пугачева, — имѣла весьма обширныя полномочія (какъ, напримѣръ, останавливать курьеровъ, слѣдующихъ къ главнокомандующему и вскрывать донесенія къ нему), обладала значительными денежными средствами, но состояла всего изъ трехъ лицъ: гвардіи капитана Галахова, майора Рунича (автора записокъ) и мнимаго яицкаго казака, бывшаго куп-

ца г. Ржевы Володимировой (Твер. губ.) Долгополова, именовавшагося Остафьевъ Трифоновымъ.

Комиссия отправилась изъ Москвы 5 августа 1774 г. и быстро пронеслась по взволнованному краю въ дни самого развала мятежа. Страшные картины народныхъ бѣдствий представились путешественникамъ на пути ихъ слѣдованія!... Любознательный Руничъ — все видѣнное и слышанное заносилъ въ записную тетрадь — карандашомъ, урывками, иногда довольствуясь отмѣткой лишь имени заинтересовавшаго его лица, или намѣка на слышанное имя происшествіе. Опережая нерѣдко отряды войскъ, преслѣдовавшихъ Пугачева, путешественники наши прибывали иногда въ такой городъ или станицу, гдѣ еще командовалъ воевода назначенный Пугачевымъ и откуда мятежники вышли дни за два или даже наканунѣ приѣзда Галахова и Руничка. Въ станицѣ Каменкѣ комиссія настигла Пугачева и видѣла его, прослѣдовавшаго по берегу Волги мимо станицы съ остатками своей арміи....

Цѣль комиссіи не была достигнута. Какъ и почему — объ этомъ разсказано въ «печатаемыхъ „Запискахъ“»; но усердная служба Руничка была отличена гр. Панинымъ: онъ ему ввѣрилъ ближайшее наблюденіе за страшнымъ арестантомъ — то былъ Пугачевъ. Руничъ блюлъ его какъ зеницу ока въ Симбирскѣ, водилъ его къ допросамъ, видѣлъ приготовленія къ его пыткѣ, былъ неотлучнымъ его спутникомъ-стражемъ на пути отъ Симбирска до Москвы, кормилъ и поилъ его нерѣдко изъ своихъ рукъ, и даже лечилъ.... Много бесѣдовалъ онъ съ знаменитымъ злодѣемъ, и кое-что позаписалъ изъ слышанного отъ Пугачева....

По привозѣ Пугачева въ Москву, Руничъ поскакалъ вѣстникомъ обѣ этомъ событий въ Петербургъ, а оттуда отправленъ гонцомъ въ Могилевъ-на-Днѣстрѣ, въ южную армію къ гр. П. А. Румянцову. Та и другая поѣздки довольно подробно разсказаны имъ въ представленныхъ здѣсь запискахъ. Переведенный, въ декабрѣ 1774 г., за отличие по службѣ въ Смоленской драгунской полкѣ, шефомъ котораго былъ въ то же время сдѣланъ Г. А. Потемкинъ — 1 января 1775 г. возведенный въ графское достоинство — Руничъ перешелъ скоро въ гражданскую службу и въ концѣ прошлаго столѣтія и начала нынѣшняго мы находимъ его на важномъ посту — губернатора, послѣдовательно въ Вяткѣ и Владимірѣ, въ послѣднемъ въ 1799 и 1800 годахъ.

Императоръ Павелъ отличалъ Павла Руничка своимъ особымъ довѣріемъ. Въ 1797 году Руничъ, между прочимъ, получилъ отъ этого государя довольно необъяснимое порученіе: Ѳхать въ землю бывшихъ яицкихъ казаковъ — и по всѣмъ станицамъ, нѣкогда приставшимъ къ мятежу Пугачева, возвѣщать милость и довѣріе къ жителямъ со стороны государя.

Въ „Владимирскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“ 1870 г. — и въ сборникахъ: “Восемнадцатый вѣкъ“ т. IV-й 1870 г., напечатано нѣсколько писемъ императора къ П. С. Руничу.

27 июня 1819 г. — Руничъ уволенъ отъ службы, и тогда-то, живя въ Москвѣ на покой, на 72-мъ году жизни, онъ принялъ за разбор-

и тѣхъ замѣтокъ и записокъ, какія вель сорокъ пять лѣтъ предъ тѣмъ, въ бурную эпоху Пугачевщины. Почти чудомъ уцѣлѣвшія въ пожарѣ Москвы 1812 года, бумаги эти дали возможность Руничу въ теченіе полутора года составить печатаемыя здѣсь записки. Необходимо замѣтить, что включивъ въ нихъ многія разсужденія и факты, относящіяся до времени позднѣйшаго послѣ Пугачевскаго бунта, Руничъ оставилъ однако многія страницы въ томъ видѣ, какъ онѣ были занесены имъ въ записную книжку въ 1774, подъ живымъ впечатлѣніемъ, на театрѣ дѣйствія.

Мы не станемъ распространяться объ интересѣ и значеніи этихъ записокъ. При незначительности еще объема литературы обнародованныхъ материаловъ и изслѣдований о Пугачевщинѣ, — записки Рунича не могутъ не иметь значения; а такіе разсказы его, какъ напримѣръ: объ осадѣ Оренбурга, о взятіи Татищевской крѣпости кн. П. М. Голицынымъ, объ отбитіи мятежниковъ отъ гор. Киренска, о нападеніи Пугачева на Саранскъ, о взятіи имъ Саратова, либо подробнѣй разсказъ о поѣздкѣ Остафія Трифонова изъ гор. Курмышъ въ С.-Петербургъ и Царское Село, сцены съ Суворовымъ, видѣнныя самимъ составителемъ записокъ, письмо гр. Орлова къ яицкимъ казакамъ, прочитанное самимъ Руничемъ, встрѣчи Пугачева-арестанта съ кн. Голицынымъ и Михельсономъ, разсказъ о выдачѣ Пугачева — все это, записанное прямо со словъ очевидцевъ, нерѣдко съ ссылкою на свидѣтельство самаго Пугачева, либо даже переданные устами самихъ дѣятелей, какъ напримѣръ весь разсказъ Трифонова и подробности захвата Пугачева его генералами — всѣ таковые разсказы и подробности не могутъ не быть интересными. Ими значительно восполняются бывшія доселѣ извѣстія обѣ этихъ событияхъ, а нѣкоторыя изъ страницъ записокъ (какъ напр. почти все относящееся до ловкаго пройдохи Трифонова и судьбы вызванной его предложеніемъ Секретной комиссіи) являются совершенно новыми въ исторіи Пугачевщины. Достойно замѣчанія, что во всей литературѣ сочиненій объ этомъ бунтѣ, объ авторѣ записокъ, сколько мы помнимъ, нѣть ни единаго слова, — а между тѣмъ роль, ему выпавшая въ общей трагедіи 1774 года, была довольно важная.... Этюю ролью, между прочимъ, объясняется и то, что, въ общемъ, его записки представляютъ довольно обширную картину всего мятежа и мѣстами освѣщаютъ яркими красками состояніе всего населенія възволнованнаго мятежемъ юго-восточнаго угла Россіи.

Къ личности автора печатаемыхъ записокъ мы еще будемъ имѣть случай возвратиться, по поводу прочихъ его бумагъ и въ особенности его корреспонденціи. Здѣсь же замѣтимъ, что это былъ человѣкъ, по своему времени, образованный, свѣдущій въ военныхъ наукахъ, большой законникъ, а дружескія связи его съ такими людьми, какъ Николай Ивановичъ Новиковъ *), говорять въ пользу умственныхъ и нравственныхъ качествъ составителя этихъ записокъ.

Павелъ Степановичъ Руничъ умеръ въ Москвѣ, 24 февраля 1825

*) Мы имѣемъ нѣсколько писемъ Новикова къ П. С. Руничу, которые напечатаны на страницахъ. «Русской Старинѣ».

Ред.

года, на 78-мъ году отъ рождения, въ чинѣ тайного советника, будучи кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны, и имѣя званіе сенатора. Погребенъ онъ на Ваганковскомъ кладбищѣ.

По воспоминаніямъ лицъ его знавшихъ, это былъ человѣкъ небольшого роста, весьма худощавый, и въ преклонныхъ годахъ сохранившій бодрость и энергию. Сыну своему, Дмитрію, Павелъ Степановичъ далъ отличное образованіе.

Ред.

I.

Предувѣдомленіе отъ составителя записокъ.—Причины як资料а возмущенія.—Первое появленіе Пугачева.—Злобины.—Понимка Пугачева и бѣгство его.—Провозглашеніе Пугачева императоромъ.—Женитьба.

Предшественники Пугачева.—Степанъ Малый.—Солдатъ изъ г. Царицына.

1770—1773 гг.

Сопричисленъ будучи, 1774 года въ 4-й день августа, графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ къ секретной комиссіи, отправленной изъ Петербурга въ низовый край по случаю возникшаго въ ономъ возмущенія, предположилъ я завести журнальную тетрадку, чтобы вносить въ оную и записывать всѣ тѣ произшествія, кои могутъ мнѣ встрѣтиться въ пути моемъ, какъ для памяти, такъ и для любопытства. Не имѣя возможности въ скорой дорогѣ завсегда возить съ собою чернильницу и перья для записи, большею частію употреблялъ я на то карандашъ, въ записной моей книжкѣ хранящійся; но какъ только гдѣ останавливались для обѣда, то старался записанное карандашомъ поновлять чернилами, чтѣ и продолжалось во все времена бытія моего при комиссіи. Сорокъ шесть почти лѣтъ сія журнальная тетрадь находилась между прочихъ моихъ бумагъ, оставшихся въ Москвѣ во время напшествія на оную французовъ, но чудеснымъ образомъ сбережены отъ пропажи и пожара.

Получивъ 1819 года юля 27-го дня увольненіе отъ службы и оставаясь празднымъ въ отечествѣ членомъ, вздумалось мнѣ пересмотрѣть всѣ мои бумаги, между коихъ въ обрадованію нашель какъ сказанную тетрадь, такъ и прочія въ оной записочки, повидимому, въ скорости мною писанныя и въ нея влагаемыя; рѣшительно положилъ, собравъ всѣ сіи записочки, разобрать и привести въ порядокъ, а во избавленіе себя отъ губительной праздности, изложить изъ оныхъ всѣ тѣ обстоятельства, произшествія и случаи, видѣнныя собственными моими

глазами и слышанные также отъ очевидцевъ; что въ полуторогодичное время, на 72-мъ году моей жизни совершилъ, окончилъ и переписалъ.

А какъ въ связи описанныхъ мною въ отечествѣ моемъ прошествій невозможно мнѣ было избѣжать и умолчать, чтобы не упомянуть какъ о именахъ покоющихся въ прахѣ земномъ священныхъ помазанникахъ, такъ и о лицахъ ихъ подданныхъ, со славою ума, честію и вѣрностію прославившихъ своихъ государей, отечество свое и себя самихъ въ роды родовъ неувядаемою памятью: то истинная честь и самый вѣрноподданнѣйший мой долгъ обязываютъ меня изъяснить здѣсь, что священноеуваженіе къ памяти первыхъ и беспристрастное сужденіе о дѣяніяхъ вторыхъ душа моя, сердце мое и духъ мой водили руку мою въ отношеніи дѣлъ и заслугъ послѣднихъ, по чувствамъ искреннѣйшаго моего къ нимъ почтенія; ибо кромѣ того, что почти всѣ изъ вторыхъ лицъ знали меня въ офицерскихъ чинахъ въ молодости лѣтъ, какъ по образцу моего поведенія, такъ и по ревностной моей привязанности къ военной службѣ; впрочемъ я могу безъ угрызенія въ совѣсти моей здѣсь сказать, что ни одинъ изъ послѣднихъ лицъ не былъ никогда особымъ моимъ благодетелемъ и ни при комъ изъ нихъ не былъ я такъ близокъ, чтобы получилъ по службѣ моей какую-нибудь награду по ихъ прихотямъ, или выгодное какое мѣсто для поправленія недостаточнаго моего положенія, въ которомъ вся жизнь моя проходитъ, ибо, еслибы я былъ вблизи сношеній у сихъ великихъ людей, то могло бы быть и самое состояніе мое поправлено.

Представя въ доказательство, что сама истина, а не подлость водила перо мое какъ въ описаніи заслугъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ лицъ, такъ и произшествій яицкаго возмущенія, при коемъ, по связи дѣлъ онаго, нашелся я въ необходимости коснуться о именахъ препрославленныхъ вѣчною памятью, смѣло здѣсь утверждаю и во опроверженіе всѣхъ ложныхъ и нелѣпыхъ повѣстей доказываю, что Пугаческій бунтъ произошелъ не изъ замысловъ внутри государства, затѣянныхъ противу власти императорской, ниже изъ внѣ политическихъ хитрыхъ выдумокъ.

Но, во-первыхъ, родился онъ, какъ известно мнѣ по дѣламъ онаго, отъ буйности за Волгою разнородныхъ народовъ,

населяющихъ обширную страну сю до рѣки Яика, что нынѣ Ураль.

Во-вторыхъ, по нѣкоторому суевѣрію въ церковныхъ обрядахъ и худо исполняемому долгу духовныхъ пастырей церкви. При семъ прилагаю указъ правительствующаго синода марта 9-го дня 1783 г.

Въ-третьихъ, отъ ненависти бѣглецовъ, помѣщичьихъ крестьянъ, по проложенной ими изстари въ степи сиротской дорогѣ на Яикъ, о которой упомянуто ниже въ запискахъ моихъ, по коей издревле всякая сволочь туда пробиралась и основала довольно значущее число яицкихъ казаковъ. На хуторахъ оныхъ, и по нынѣ, можетъ быть, находится укрывающихся и неплатящихъ государственныхъ податей, кои и въ самое войско яицкое поступаютъ, о которомъ никакое правительство въ прежнія времена не было извѣстно, какое именно количество казаковъ по станицамъ въ наличности состоитъ.

Въ-четвертыхъ, что завѣдывая сими яицкими казаками военное управление, по слабому къ нимъ вниманію, допустило ихъ во многимъ своеольствамъ и наглости.

Въ-пятыхъ, дарованная симъ казакамъ свободная по Яику рыбная ловля, почитаемая лучшею во всей Россіи: промыселъ оною—икрою, клеемъ и прочимъ ознакомилъ ихъ во всемъ государствѣ, а бывшая въ прежнія времена связь ихъ въ Петербургѣ, по пронырливому уму ихъ, доставляла имъ вѣрные способы дознаваться о всѣхъ тайностяхъ двора.

Почему, шестое: сдѣлалось имъ извѣстнымъ о ссылкѣ въ Сибирь нѣкоторыхъ лейбъ-гвардіи офицеровъ *), grenадера Діомина съ 24-мъ сотоварищами Преображенского полка и другихъ чиновниковъ съ повелѣніемъ жить имъ въ деревняхъ и не являться въ столицахъ въ присутствіи двора: зажгли неожиданно на Яикѣ искру бунта; а можетъ быть къ тому одинъ, или два нечестивыхъ духа раздували искру сю и произвели ужасъ пожара, погубившій множество народа, что будто народъ желаетъ, дабы императорская власть состояла въ мужескомъ родѣ, къ чему также много способствовала первая турецкая война; ибо, какъ полевыхъ войска, такъ и флотъ

*.) О нѣкоторыхъ изъ сосланныхъ написаны имена въ исторіи поляка Беньовскаго, бѣжавшаго изъ Камчатки на фрегатѣ въ Америку. П. Руничъ.

обращены были на оную, почему внутри государства осудили военные силы, коими при самомъ началѣ пламя бунта удобно было погасить и прервать.

И, наконецъ, седьмое: убѣжавшіе изъ государства въ китайскія границы калмыки, кочевавшіе вблизи степи къ яицкимъ казакамъ, совершенно открыли яицкимъ удальцамъ свободу производить всякия наглости, чего не осмѣливались онѣ дѣлать, покуда кочевали близко ихъ калмыки.

При окончаніи сего предувѣдомленія, я со всею смѣлостью повторяю, утверждаю и доказываю самою истиной событий, что также иностранныхъ дворовъ политическіе виды не имѣли никакого участія въ яицкомъ возмущеніи; ибо мнѣ совершенно известно, что при Пугачевѣ и его сотоварищахъ ни въ какое время не находилось ни одной націи иностранцевъ; но, напротивъ, какъ только изъ оныхъ попадался кто имѣлъ въ руки, то былъ тотчасъ убиваемъ; а проходя съ войскомъ своимъ по колоніямъ на нагорной сторонѣ поселенныхъ, строжайше было приказано не допускать ни одного колониста даже подходить близко къ тому мѣсту, где Пугачевъ съ главными своими начальниками находился, о чёмъ узналъ я отъ самихъ колонистовъ, проѣзжая нѣсколько разъ по селеніямъ оныхъ, изъ чего можно неложно заключить, что бунтовщики остерегались иностранцевъ единственно для того, чтобы не обнаружить незнаніе ихъ государя иностранныхъ языковъ; а поступокъ варварства въ Камышеньѣ, съ комендантомъ нѣмцемъ учиненный, подтверждаетъ сю истину; ибо комендантъ сего города, оставаясь въ ономъ съ небольшимъ своимъ гарнизономъ, бывъ захваченъ и представленъ Пугачеву, сидящему еще на своемъ конѣ, вздумалъ ему что-то говорить по-нѣмецки; но вдругъ данъ отъ него знакъ, по которому ту минуту тирански пиками скололи сего несчастнаго нѣмца.

Первое появленіе Пугачева оказалось подъ именемъ Петра III въ дворцовой волости, селѣ Малыковѣ, что нынѣ городъ Вольскъ, въ которой былъ въ то время волостнымъ головою крестьянинъ Алексѣй Злобинъ, а сынъ его Василій, бывшій лѣтъ четырнадцати, находился при отцѣ своемъ писцомъ, но впослѣдствіи времени пылкимъ своимъ умомъ достигнувшій степени именитаго гражданина, сдѣлавшись всеобщимъ почти въ государствѣ откупщикомъ по винной и соляной части, а дѣй-

ствиемъ предпріимчивыхъ изворотовъ и примѣрнымъ богачемъ движимаго и недвижимаго имѣнія, обогатилъ и облагодѣтельствовалъ умомъ своимъ и самыи городъ Вольскъ, возстановилъ состояніе сего города гражданъ и довелъ ихъ до богатаго положенія. Въ Малыковѣ былъ Пугачевъ схваченъ и скованный отвезенъ за карауломъ въ Казань, гдѣ очень строго содержался въ тюрьмѣ подъ надзоромъ гарнизонной комендантa команда; но вскорѣ дозволено было ему съ однимъ гарнизоннымъ солдатомъ ходить по городу и посѣщать въ домахъ вупцовъ и прочихъ онаго гражданъ, бѣжалъ изъ Казани и паки явился въ Малыковѣ, гдѣ узнавъ, что за нимъ послана погоня, скрылся, или некоторыми жителями изъ онай тайно переправленъ за Волгу и препровожденъ на Иргизъ въ Средне-Николаевской старообрядческій монастырь, изъ коего тайнымъ образомъ настоятелемъ сего монастыря Фила ретомъ переправленъ за рѣку Иргизъ въ степь, по коей добрался въ городъ Уральскъ, гдѣ, по согласію всѣхъ яицкихъ казаковъ, торжественно 1773 года 14 сентября провозглашенъ императоромъ Петромъ III; вѣнчался съ Устиною Коноваловою, дѣвицею рѣдкой красоты.

Но и прежде сего произшествія внутри государства съ самаго 1769 года начали появляться самозванцы подъ именемъ Петра III въ разныхъ мѣстахъ, и даже у Монтонегрельцевъ (черногорцевъ) явился подъ симъ именемъ Стефанъ Малый,—куда и посланъ былъ генераль-поручикъ, Преображенского полка майоръ князь Юрій Владимировичъ Долгорукій для преклоненія черногорцевъ къ нападенію на турковъ; но черногорцы не согласились на сдѣланныя имъ предложения и остались спокойными въ своихъ жилищахъ подъ управлениемъ Стефана Малаго, а князь оставилъ Черную Гору. Но послѣ его отбытія Стефанъ, желая Черной Горы жителямъ сдѣлать выгодное сообщеніе съ Адриатическимъ моремъ, умыслилъ посредствомъ минъ надорвать къ морю горы и, собственною личностю своею управляя минами, при зажженіи оныхъ, погибъ.

А въ началѣ 1772 года изъ 22-й полевой команды бѣглый солдатъ явился близъ Царицынской крѣпости подъ именемъ императора Петра III; но бывъ пойманъ и посаженъ въ крѣпостную тюрьму, надъ коимъ и произведено было строгое слѣдствіе, которое комendantъ, полковникъ Иванъ Еремѣевъ

Циплетовъ съ нарочнымъ сопроводилъ къ Астраханскому губернатору Бекетову, отъ коего получилъ предписаніе отправить арестанта сего за воинскимъ карауломъ къ нему, губернатору, въ Астрахань, что комендантъ и исполнилъ. Но между полученія о томъ предписанія, черезъ недѣлю времени послѣ слѣдствія надъ симъ злодѣемъ, въ самую полночь сдѣлался въ крѣпости бунтъ и народъ собрался у тюрьмы, чтобы оную разломать и самозванца освободить; но расторопный и благоразумный комендантъ своимъ присутствіемъ не допустилъ бунтовщиковъ разломать тюрьму, разсыпалъ оныхъ и многихъ захватилъ; но во время сего дѣйствія брошеннымъ въ него кирпичомъ раненъ въ голову, о чёмъ также донесъ г. губернатору.

Доставленный отъ коменданта арестантъ въ Астрахань сдѣллся тамъ нѣсколько недѣль, и опредѣлено было возвратить самозванца въ Царицынскую крѣпость для наказанія на мѣстѣ преступленія, и бывъ въ оную отправленъ, умеръ въ дорогѣ за 250 верстъ отъ Царицына. Неизвѣстность, куда дѣвался самозванецъ, возродила въ народѣ мысль, что онъ точно признанъ за настоящаго Петра III; послѣ чего, мѣсяцъ черезъ семь, явился новый императоръ Петръ III въ дворцовой волости, селѣ Малыковѣ—донской казакъ Емелька Пугачевъ *).

*) Приводимъ изъ черновой рукописи записокъ Рунича, вариантъ разсказа его о Царic. самозванцѣ, крестьян. Богомоловѣ, наказан. внуломъ и умер. на дор. въ Сибирь:

«...Изъ сей команды бѣглый солдатъ г. Воронцовъ, поступившій въ службу, прежде Пугачева за нѣсколько мѣсяцевъ явился въ образѣ императора Петра III, но скоро схваченъ и представленъ въ Царицынскую крѣпость коменданту Циплетову, о чёмъ донесено отъ него къ астраханскому начальнику, и злодѣй сей посаженъ въ тюрьму и допросы ему производились; но чрезъ нѣсколько дней въ крѣпости ночью напали на тюрьму сообщники сего бунтовщика и хотѣли, разломавъ оную, освободить злодѣя, но комендантъ скоро успѣлъ зло сіе прекратить. Но при прекращеніи онаго кирпичемъ раненъ въ голову. О семъ происшествіи тотчасъ отправилъ коменданта курьера въ Астрахань, откуда получилъ повелѣніе съ допросами отправить злодѣя въ Астрахань, который туда и доставленъ, а потомъ черезъ три мѣсяца изъ Астрахани сей злодѣй паки отправленъ въ Царицынѣ, гдѣ произошелъ бунтъ освободить онаго (?) изъ тюрьмы. Но въ сопровожденіи изъ Астрахани за 100 или 150 верстъ злодѣй умеръ и куда его дѣвали, то оставалось неизвѣстнымъ, что и оставило въ сообщникахъ его сомнѣніе о смерти сего бунтовщика. Послѣ сего происшествія въ непродолжительномъ времени въ Малыковской дворцовой, что нынѣ городъ Вольскъ, явился Пугачевъ, о коемъ упомянуто будетъ въ своемъ мѣстѣ.»

II.

Політика імператрици Єкатерини II.—Отношення къ Австрії и Пруссії.—Ізбраніе Станіслава Понятовськаго королемъ Польши.—Первамъ воянна съ Турцией.—Г. А. Потемкін.—Борьба съ польскими конфедератами.—А. И. Вібиковъ въ Варшавѣ.—Назначеніе А. И. Вібикова главнокомандующимъ въ низовыій край для погашенія Пугачевскаго мятежа.—Сотрудники Вібикова.

1762 — 1773 гг.

Великая Екатерина II (повидимому), будучи предъизбрана при рожденіи своею обладать россійскою имперіею, вступивъ 1762 года 28 іюня, на другой день торжества Полтавской побѣды, на престолъ Россіи, во-первыхъ устремила-было свое желаніе, чтобъ устроить въ имперіи прочное, правильное и согласное съ духомъ россіянъ управление.

Наказъ ея величества, данный комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, свидѣтельствуетъ совершенно матерннее ея желаніе возстановить и ввести въ Россіи единообразное управление, а учрежденіе губерній доказываетъ истину онаго. Но въ первые годы, или лучше и вѣрнѣе сказать,—мѣсяцы вступленія ея величества на престолъ, (предвида) политическимъ замысламъ (хитрыя намѣренія) сильныхъ тогдашняго времени европейскихъ дворовъ унизить (славу) Россіи и низложить ея вліяніе на политические виды европейскихъ державъ, принудили государыню императрицу *) обратить прежде высокое свое вниманіе на сіи замыслы **) рѣшительно предположить соизволила, вопреки оныхъ ***), блистательнѣйшими мѣрами (и геройскимъ духомъ) возвести Россію на первую степень величія ****), и Европу и современныхъ ей государей удивить

*) «...Не имѣя впрочемъ или поувѣренію народной къ себѣ любви, или надѣясь на доброту и простосердечіе онаго, или по собственной правотѣ душевныхъ своихъ чувствованій ни малѣйшаго подозрѣнія, что въ царствованіе ея могутъ гдѣлибо въ имперіи появиться и возникнуть внутреннія возмущенія принужденною нашлась, по политическимъ видамъ тогдашнихъ европейскихъ дворовъ,...»

Черн. рук. Рун.

**) «На предметы вони престолу Россіи были оскорбительными.» Черн. рук. Рун.

***) Политическихъ намѣреній чужестранныхъ дворовъ. Черн. рук. Рун.

****) ...И прославить оную какъ побѣдоноснымъ оружіемъ, такъ мудрымъ просвѣщеніемъ и дѣятельностю науки, промышленностью ознакомить вѣрениный ей народъ...

Черн. рук. Рун.

высокимъ своимъ умомъ и твердостю своего великаго духа, не-пременно положить соизволила произвести обширные свои планы въ дѣйство, кои исполнила и совершила къ умноженію своей славы; ибо, по вступленіи на престолъ, императрица тотчасъ подтвердила миръ съ Пруссіею, императоромъ Петромъ III дружественно съ нею заключенный по кончинѣ государыни Елизаветы Петровны; въ самое то же время прекратила войну съ Австріею предначатую (вообще съ Пруссіею противъ нея); повелѣть соизволила заграничнымъ войскамъ возвратиться въ Россію, назначивъ нѣкоторому только числу нанять квартиры на границѣ Польши и въ Литвѣ.

А какъ въ сіе время въ Варшавѣ собирался сеймъ для избранія на польскій престолъ короля, то государыня императрица послала въ Варшаву полномочнаго своего, генералъ-аншефа отъ кавалерій князя, Михаила Никитича Волконскаго, твердо и рѣшительно предположивъ, чтобы избранъ былъ королемъ Станиславъ Понятовскій, который и возведенъ былъ на престолъ Польши. Но противная на сѣмъ сеймѣ партія въ избраніи Понятовскаго королемъ, составившихся изъ знаменитѣйшихъ польскихъ вельможъ, произвела конфедерацию (названную барскою), которая вззволновала всю Польшу съ оружемъ въ рукахъ защищать свое право и противиться избранію Понятовскаго *) королемъ.

Императрица повелѣть соизволила для усмирѣніи и прекращенія возникшей въ Польшѣ кофедерациі (и волненія) вступить въ оную своимъ войскамъ; ибо одни королевскіе не въ силахъ были вззволновавшіяся партіи конфедераций низложить и прекратить; почему начались съ обѣихъ сторонъ военные дѣйствія; но малымъ числомъ россійскаго войска нельзѧ было, усмирить чась отъ часу усиливающуюся конфедерацию, наплюсь нужнымъ умножить число онаго **); вмѣстѣ съ тѣмъ благоразсудила импе-

*) О семъ преподобномъ и прекрасномъ какъ душою, такъ и тѣломъ польскомъ королѣ, великий Фридрихъ II говорилъ: «ученые потеряли въ немъ мужа просвѣщенѣйшаго въ наукахъ, а Польша приобрѣла весьма посредственаго короля».

П. С. Румичъ.

**) Дворы глубоко-тонкой въ сіе время политики—австрійской, французской, прусской и шведской полными взирали глазами на происшествія въ Польшѣ (а особенно первые два двора всѣ употребляли интриги возбудить Порту, яко сосѣдственную Польшѣ державу, объявить Россіи войну, чтобы тѣмъ подкреп-

ратрица въ концѣ 1765 или въ началѣ 1766 года послать въ Варшаву генераль-поручика князя Николая Васильевича Репнина, которому дана была сильная власть действовать дипломатическимъ и военнымъ искусствомъ во всей Польшѣ.

Неизвѣстны мнѣ причины, побудившія Порту объявить Россіи войну; но оная объявлена 1768 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ и россійскія войска двинулись къ границамъ Крыма и Молдавіи *); а находящійся при Портѣ посланникъ, тайный совѣтникъ Абре-сковъ отведенъ въ Едисуль.

Война сія съ Портою кончена ужъ 1774 года іюля 10 дня. (Маршалъ литовскій, бывшій потомъ вице-канцлеромъ Польши, кавалеръ св. Александра Невскаго, Бѣлого орла и св. Станислава, гвафъ Гуровскій, человѣкъ дальновиднаго ума, съ коимъ имѣлъ я связи близкаго знакомства съ 1775 году, пересказывалъ мнѣ, что случилось, при личномъ его бытѣ у короля Пруссіаго Фридриха II. Получивъ его величество съ курьеромъ извѣстіе о заключеніи графомъ Румянцовымъ, 1774 года въ іюль мѣсяцѣ, за Дунаемъ, выгоднаго съ Портою мира, къ удивленію бывшихъ при его величествѣ, прочиталъ донесеніе съ пыл-

ить барскую въ Польшѣ конфедерацио). Бывшій въ сіе время при россійскомъ дворѣ, но въ какомъ званіи не помню, но знаю то, что отъ французскаго двора присланъ былъ извѣстный дипломатикъ Бретель, съ коимъ на придворномъ балѣ государыня императрица разговаривала при нѣкоторыхъ ближайшихъ ея вельможахъ; а какъ хитрый Бретель, при семъ разговорѣ обратилъ рѣчь свою на польскія дѣла императрицѣ съ нѣкотою отважностью, что «дѣла оной произвести могутъ невыгодную для Россіи войну»; то государыня императрица, со сродною своею кротостію, изволила въ отвѣтъ сказать ему: «вы дѣлайте что можете дѣлать, а я буду дѣлать то, что я хочу». Хитрый Бретель отъ сего отзыва какъ истуканъ онѣмѣлъ.

Французскій дворъ прислалъ конфедерациіи многихъ своихъ офицеровъ, въ числѣ коихъ находился въ Krakovѣ бывшій прежде секретаремъ у извѣстнаго политика министра герцога Шуазеля, прославившійся во французскую революцію Де-Мурье.

П. С. Руничъ.

*) Считаю приличнымъ помѣстить здѣсь высочайший раскритіе государыни императрицы при объявлениіи Портою войны, писанный 1768 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ, къ генераль-фельдмаршалу графу Салтыкову, правителю Москвы: «Графъ Петръ Семеновичъ. Порта объявила мнѣ войну. Я назначила противъ оной двѣ арміи: 1-ю поручила генераль-аншефу князю Александру Михайловичу Голицыну, которому желаю отцовскаго счастія; 2-ю, графу Петру Александровичу Румянцову, которому желаю всякаго благополучія. А еслибъ я болѣла турокъ, то выборъ мой палъ бы на покрытаго лаврами фельдмаршала Салтыкова.»

П. С. Руничъ.

кимъ духа гнѣвомъ, бросилъ на столъ бумагу и сказалъ въ слухъ: «весь свѣтъ не видалъ такой счастливой жены, какова императрица Екатерина II» и обратясь, сказалъ: «Россія заключила миръ съ Портою»). Означеновавъ великия дѣянія Екатерины II, война съ Портою прославила великий духъ и высокій умъ обладательницы Россіи. Ларга и Кагулъ, побѣды и миръ, оконченный за Дунаемъ неподражаемымъ полководцемъ графомъ Румянцевымъ; Бендера и Чесма пребудутъ вѣчною славою побѣдоноснаго россійскаго оружія! (Но паче и паче одержанная побѣда 21 іюля 1770 года графомъ Румянцевымъ на Кагулѣ; ибо кто только безпристрасно судить объ оной будетъ и чьи глаза видѣли дѣйствія оной, то тотъ не устыдится и согласится со всею чуткостью сказать, что, еслибъ Румянцевъ былъ разбитъ непріятелемъ, состоявшимъ въ силѣ 200 т., то былъ бы побитъ на голову, и въ такомъ несчастномъ случаѣ Порта съ кримскими, буджатскими и прочими ордами татаръ, отворила бы свободный ходъ въ Россію и сообщась съ непріятелями оной, поляками и шведами, положилибы конецъ ея величию и, можно свидѣтельствовать, что одержанная на Калугѣ побѣда спасла столько же Россію отъ бѣдствія, сколько спасена оная Полтавскою побѣдою, ибо если кто разсмотрить оба сіи обстоятельства неисковерканными и неомраченными умомъ самолюбія, тотъ ясно увидить, что командовавшій арміею 17 т., не имѣя, никакой за собою опоры, находился за 200 верстъ отъ Россіи въ необитаемой степи...).

Знаменитые подвиги первой турецкой войны предуготовили путь необыкновеннаго ума бывшему въ оную генераль-поручикомъ, а потомъ свѣтлѣйшимъ княземъ и генераль фельдмаршаломъ, князю Григорію Александровичу Потемкину Таврическому доверить славу благодѣтельницы своей Екатеринѣ II. Искорененіе и истребленіе, по его, князя плану, Запорожской сѣчи, остатокъ коей и до нынѣ имѣть гнѣздо свое за Дунаемъ, въ предѣлахъ Булгаріи; построеніе Херсона и Николаева, покореніе подъ россійскую державу полуострова Крыма, Тамана и другихъ, на которыхъ обитали татары, древнѣйшіе враги Россіи, возстановленіе флота въ гаваняхъ онаго, овладѣніе Очакова и всѣми закубанскими ордами; воздвигнутый на зыбучихъ пескахъ городъ Одесса и портъ при ономъ; устроеніе регуляр-

ныхъ войскъ и Оренбургской, Яицкой линіи до Сибирской границы и внутри самой Сибири—неложныя суть памятники дивной прозорливости великой Екатерины II и сотрудника ея генералъ-фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго (оградившихъ Россію на долгія времена съ южной стороны ея отъ безчисленныхъ тьмы враговъ, границы ея всегда опустошавшихъ, разорявшихъ и при всякихъ случаяхъ, когда Россія могла быть въ войнѣ съ европейской державою, угрожавшихъ нашествіемъ своимъ поколебать предѣлы Россіи и вторгнуться внутрь ея владѣній). Память о князѣ Таврическомъ не должна быть въ Россіи забвеною *).

Когда по объявленіи Портою войны Россіи, Пулавскій съ нѣкоторымъ числомъ конфедерационнаго войска оставилъ свое отечество перешелъ съ онымъ къ Портѣ, находясь при турецкой арміи всю войну: то въ тоже время другой начальникъ конфедерациіи Потоцкій, бывъ нѣсколько кратъ разбитъ россійскимъ войскомъ, перебрался съ своимъ оставшимся войскомъ въ границы Венгрии, гдѣ австрійскій дворъ далъ ему безпрепятственныя ередства укрываться и дѣйствовать оттуда, на поддержкніе конфедерациіи, то въ одно почти время, подъ присмотромъ генералъ-маіора Кара, первого вельможа Польши, князь Радзивилъ перевезенъ въ Россію и содержался въ Калугѣ съ величайшимъ уваженіемъ. Тогда же, въ 1769 году, и князь Репнинъ отозванъ къ 1-й арміи, подъ начальствомъ генералъ-аншефа князя Голицына расположенной въ крѣпкому лагерѣ за

*.) Разсмотримъ и сообразимъ здѣсь съ безпристрастнымъ понятіемъ о дальновидной прозорливости Екатерины II и дивного сотрудника ея, князя Таврическаго, кою предположено было овладѣть всѣми вышеупомянутыми на югѣ странами и народами, на оныхъ обитающими, дабы предохранить южныя Имперіи границы на долгія времена отъ древнейшихъ враговъ въ Россіи татарского племени, что еслибы Крымъ, Нагайские, Буджатские, Закубанские и Бессарабские татары состояли въ то время подъ владѣніемъ Порты, когда Наполеонъ врагъ Россіи и цѣлаго міра, съ двадцатью племенами европейскихъ, исповѣдывающихъ христіанскій законъ, вторгнулся въ Россію, то чтобы могъ злой его духъ произвести въ ней съ ордами татаръ, поклоняющихся Магомету и всей его злости къ попранію христіанскаго закона, коихъ закупить и обольстить и обмануть онъ могъ своимъ пронирствомъ? Ибо бывъ въ Египтѣ, не обманулъ ли онъ магометанъ тѣмъ хитримъ вымысломъ, что готовъ защищать и исповѣдывать Магомета и ему одному поклоняться, и вѣрить, что онъ есть истинный и единственный пророкъ, которому предоставлено свыше измѣнъ скій родъ возвести утвердить и прославить во всемъ мірѣ.

И. С. Руничъ.

речковскимъ лѣсомъ, засѣками въ ономъ подкрайненный, со стоящей внизъ по Днѣстру, въ виду крѣпости Хотина, въ которомъ вся армія отъ 2 іюня до ноября мѣсяца постоянно имѣла свое положеніе, въ коемъ 29 августа сильно были турками атакованы; но непріятель былъ разбитъ и разсѣянъ, стремительно перебрался за Днѣстръ, расположился лагеремъ подъ своею крѣпостью, навѣль на Днѣстръ мостъ, укрѣпивъ оный сильнымъ тетъ-де-понтомъ, дабы безпрепятственно, подъ пушками крѣпости, переходить рѣку и тревожить россійскую армію.

На мѣсто князя Репнина послала императрица въ Варшаву генерала Александра Ильича Бибикова, которому такая же дана власть дѣйствовать въ Польшѣ, какая дана была предмѣстнику его князю Репнину.

Яицкій бунтъ, постыдное происшествіе 2 гренадерскаго полка въ Башкиріи случившееся и странный поступокъ генераль-маюра Кара, о чёмъ упомянуто будетъ ниже, заставили императрицу вызвать изъ Польши генерала Бибикова и послать въ Казань, коему и дана была полная власть надъ бунтующимъ низовымъ краемъ и войсками тамъ находящимися дѣйствовать по его благоусмотрѣнію; вскорѣ потомъ отправленъ къ нему въ команду генераль-поручикъ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ. Дежурными генераломъ находился при Александрѣ Ильичѣ—генераль-маюре князь Федоръ Федоровичъ Щербатовъ, а правителемъ канцеляріи полковникъ Петръ Ивановичъ Турчаниновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. С. Румянцевъ.

14-ое ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА ВЪ ПАТРИОТИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТЕ.

Когда вспыхнуло возмущеніе 14 декабря 1825 года, мнѣ было пятнадцать лѣтъ; воспитывалась я тогда въ С.-Петербургскомъ Патріотическомъ Институтѣ.

При доходившемъ до насъ громѣ орудій, мы, институтки, страшно перепугались. Пальба продолжалась, а между тѣмъ начальница института г-жа Виссенгаузенъ стала говорить намъ: «это Господь Богъ наказываетъ васъ, девицы, за ваши грѣхи;

* „РОССІЯ СТАРИНА“, Августъ, 1870. т. II.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА ПАВЛА СТЕПАНОВИЧА РУНИЧА О ПУГАЧЕВСКОМЪ БУНТѢ. *)

1774 г.

III.

Волненія на Яикѣ. — Удаленіе драгунскихъ полковъ съ яицкой линіи. — Отвочкива камысовъ въ Китай. — Киргизы. — Грабежи казаковъ. — Пораженіе казаками 2-го grenадерскаго полка. — Генераль-маиръ Каръ.

1773 г.

Сказавъ мимоходомъ въ моемъ предъувѣдомленіи о яицкомъ возмущеніи, долженъ я здѣсь описать всѣ онаго послѣдствія.

Возмутители яицкіе провозгласили императоромъ Пугачева, подъ именемъ Петра III, почти въ то самое время, когда король шведскій (преодолѣвъ всѣ усилия, интриги и политики россійскаго двора, не могшаго успѣть королевскую партію низровергнуть) и король сдѣлался въ оной (т. е. Швеціи) самовластнымъ государемъ и (когда россійскаго двора политика никакъ не могла ожидать, что въ Швеціи можетъ произойти таковая перемѣна въ правлѣніи).

Произшествіе сие вставило россійской дворъ подкрѣпить шведскую свою границу войсками; что возложила императрица на распоряженіе военного управлѣнія, которое вѣдала, что какъ на границѣ оной, такъ и внутри государства весьма мало находится регулярнаго войска, быстрымъ своимъ вымысломъ, но можетъ быть неумышленнымъ распорядкомъ въ сіе время, имѣя при томъ свѣдѣнія, что, прежде еще бывшаго въ Москвѣ бунта, на Яикѣ происходять безпорядки и неповиновенія, то рѣшилось снять съ Оренбургской, Яицкой и Илецкой линій ста-ринные драгунскіе полки, охранявшіе линію отъ киргизскихъ набѣговъ и переформировать оные въ полевые пѣхотныя коман-ды съ нѣкоторымъ числомъ при нихъ конницы, кои и двинуты внутрь государства и къ шведской границѣ;—предположило одну 22-ю команду, подъ начальствомъ подполковника Дица, оста-

*) См. «Русск. Стар.» 1870 г. т. II стр. 116—131.

«РУССКАЯ СТАРINA», САНКТ-ПЕТЕРБУРГъ, 1870. т. II.

вить на нагорной сторонѣ Волги, между Камышинки и станицы волжскихъ казаковъ Дубовки; по каковому (съ скоростю исполненному распоряженію военнаго правительства), вся означенная линія до самой Сибири осталась въ полной волѣ и зависимости линейныхъ казаковъ. А какъ въ сie-жъ самое время кочевавшіе издревле по саратовской и астраханской степи и протекающимъ въ оныхъ рѣкамъ Караману, двумъ Иргизамъ, двумъ Узенямъ, Камелику, Чертальнѣ, Чегану и прочимъ, калмыки болѣе 600 тысячъ кибитокъ (числа впрочемъ и самый искуснѣйший архометикъ съ трудомъ бы могъ исчислить) со всѣмъ имуществомъ, невѣроятнымъ числомъ лошадей и всякаго скота, (въ начальство астраханскаго губернатора Бекетова), оставя древнія свои кочеванья, удалились изъ предѣловъ Россіи и перешли въ границы китайскія *), то удаленіе сихъ кочевавшихъ за Волгою калмыковъ открыло всѣ способы (казакамъ усиливать свои возмущенія и неудовольствія на внутреннее военное правительство, а кочующей близъ границъ Россіи) третьей, нижней, многочисленнѣйшей киргизской ордѣ, протянувшейся кочеваньемъ отъ Оренбурга внизъ по Яику, безпрепятственный путь поселенія, по манифесту 1762 и 1763 гг., по большому Иргизу, слободами, колоніи на луговой сторонѣ Волги, грабить и уводить изъ оныхъ людей, мчась быстрыми своими набѣгами до самаго почти Саратова и Камышенки, коимъ яицкіе казаки нимало не препятствовали чинить черезъ Яикъ перелазы, дабы удержать ихъ отъ набѣговъ и разоренія жителей, ибо что киргизцы награбятъ, то казаки, при переходѣ ихъ назадъ черезъ Яикъ, отнимали и себѣ присвоивали. Но вящее зло произошло отъ удаленія калмыковъ то, что башкирцы и линейные казаки возьмѣли дерзость усиливаться и производить всѣ свои наглости, чего не могли ни они, ни киргизы дѣлать тогда, когда калмыки кочевали въ сосѣдствѣ съ ними въ саратовской и астраханской степи.

Не мое дѣло судить о тогдашнемъ распоряженіи военнаго

*) Въ «Ежемѣсячныхъ академическихъ сочиненіяхъ», съ 1754 г. изданныхъ, описано отправленное 1715 г. отъ китайскаго императора къ владѣтелю означенныхъ калмыковъ Аюкъ-хану посольство, которое съ самой россійской границы и обратно сопровождалъ полковникъ Ступинъ со всею возможностью осторожнью вѣживостью.

П. С. Руничъ.

управлениія, почему оно рѣшилось съ яицкой линіи снять драгунскіе полки, будучи уже извѣстно, что прежде еще возникшаго въ Москвѣ бунта на Яикѣ оказывались сильные беспорядки, кои возросли наконецъ до такой дерзости и что (если не ошибаюсь, убить въ семъ городѣ Яикѣ генераль-майоръ Траубенбергъ), Пугачевъ наименованъ императоромъ Петромъ III, въ которое уже время нашли вынужденными изъ Петербурга, на почтовыхъ подводахъ, отправить, чрезъ Казань, второй grenaderскій полкъ противъ бунтовщиковъ *); который, проходя съ оплошностью (башкирскія селенія), возложивъ весь свой скарбъ и свою воинскую амуницію на подводы, нечаянно пугачевскою партіею съ башкирцами атакованъ и разсыпанъ, а офицеры сего полка, въ числѣ 30 человѣкъ, взяты въ плѣнъ и перевязанные отвезены къ Пугачеву подъ Оренбургъ, гдѣ онъ съ своимъ войскомъ находился; коихъ почти всѣхъ велѣль Пугачевъ повѣсить **), а вмѣстѣ съ ними и приготовленаго къ

*) Послѣ маневровъ подъ Краснымъ Селомъ полковникъ 2-го grenaderскаго полка князь Василий Васильевичъ Долгорукій, будучи уволенъ въ чужіе края, оставилъ свой полкъ въ Петербургѣ, отправился въ путь и прибылъ въ Берлинъ, представился великому Фридриху II, черезъ россійскаго посланника при дворѣ прусскому, князя Влад. Сер. Долгорукова. При сѣмъ представлѣніи спросилъ король полковника Долгорукова: «котораго онъ полка полковникъ?» На что Долгорукій отвѣчалъ его величеству королю, что онъ 2-го grenaderскаго полка полковникъ; на сей отзывъ Долгорукова сказалъ король: «знаете ли вы, г. полковникъ, что такого-то числа сего мѣсяца полкъ вашъ отправленъ на почтовыхъ подводахъ въ Казань?» О чёмъ не имѣлъ посланникъ напѣть ни малѣйшаго извѣстія. На другой день сего представленія кн. В. В. Долгорукій откланился королю и не поѣхалъ въ чужіе краи, но возвратился поспѣшно въ Петербургъ. О семъ рассказывала мнѣ, по знакомству, графъ Гуровскій, бывшій маршалъ литовскій, а потомъ вице-канцлеръ Польши, который лично находился при представлѣніи королю прусскому полковника князя Долгорукова.

П. С. Руничь.

**) Для любопытства долженъ я здѣсь пересказать, что при сопровождевіи Пугачева изъ Симбирска въ Москву и во время его содержанія въ Симбирскѣ, графъ Петръ Ивановичъ Панинъ опредѣлилъ мнѣ, для безотлучного при Пугачевѣ пребыванія, двухъ армейскихъ капитановъ 2-го grenaderскаго полка Карташева и Повало-Швейковскаго, и двухъ поручиковъ великолуцкаго полка, Кутузова и Ершова, кои по два часа, по очереди, днемъ и ночью у Пугачева сидѣли. 1-го Карташова подъ Оренбургомъ двухъ братьевъ его ротныхъ командировъ, Пугачевъ, въ числѣ прочихъ 2-го grenaderскаго полка офицеровъ, повѣсили. Когда спросили Пугачева: «за что ты перевѣшалъ многихъ офицеровъ 2-го grenaderскаго полка?» то онъ отвѣчалъ: «за то, что они шли противъ непріятеля какъ овцы и не соблюдали военной

15*

висълицѣ яицкаго сотника Лысова, который предпріялъ-было намѣреніе съ нѣкотоимъ числомъ отважныхъ казаковъ истребить Пугачева.

По дошедшемъ о семъ приключеніи со 2-мъ гренад. полкомъ, придумали въ Петербургѣ отправить въ бунтующій край генераль-майора Каря, которого предъувѣрили, что въ ономъ находится значительное число войска; но Карль, прискакавъ въ Казань, узналъ объ участіи 2-го грен. полка и о томъ, что въ семъ краю, кроме въ нѣкоторыхъ городахъ (неполного даже комплекту) гарнизонныхъ солдатъ тогдашняго состава, никакого другого полевого войска не имѣлось, тотчасъ оставилъ Казань и возвратился въ Москву; за каковой поступокъ откинутъ изъ воинской службы, съ запрещеніемъ находиться въ столицахъ въ присутствіи двора *).

IV.

А. И. Бибиковъ въ Казани.—Пораженія генераловъ пугачевской арміи Вѣлобородова и Чики.—Штурмъ Таташевской крѣпости. — Кн. П. М. Голицынъ.—Отзывъ о немъ Пугачева.—Смерть Бибикова.—Оплошность ин. Щербатова.—Сожженіе Казани. — Пораженіе Пугачева подъ Казанью.

1773—1774.

Сказано уже выше сего, что государыня императрица вызвать соизволила А. И. Бибикова во время сіе изъ Польши и послать въ Казань **).

Бибиковъ, прибывъ въ оную, какъ истинный россіянинъ и вѣрный сынъ своего отечества, обнявъ обширнымъ умомъ своимъ и воинскими своими дарованіями всѣ дѣйствія, силы и важность яицкаго бунта и Пугачева замыслы, немедленно далъ обдуманныя свои предписанія начальникамъ отрядовъ, чтобы они, во-

дисциплины». Отъѣтъ сей долженъ быть въ военномъ дѣлѣ примѣромъ: ибо и самый злодѣй строго повиновался закону дисциплины и вѣрилъ, что тѣльо безъ души ничто не значить (Чернов. рук. зап.). П. С. Руничи.

*) Карль отправленъ на Яикъ по собственноручному указу Екатерины II—отъ 11 октября 1773 г.; уволенъ онъ—указомъ военной коллегіи — 30 ноября того же года.

Ред.

**) Генераль-аншефѣй Бибиковъ посланъ съ манифестомъ 23 ноября 1773 г., имянной указъ ему данъ 29 ноября; дѣятельность его въ Казани начинается 26 декабря того же года, умеръ въ Бугульмѣ—9-го апреля 1774 г.

Ред.

первыхъ, устремили все свое вниманіе на отдельные пугачевскіе корпуса и старались бы разбить и искоренить оные.

На 1-й, стоящій къ сибирской границѣ, подъ начальствомъ Бѣлобородова *), который имѣлъ отъ Пугачева повелѣніе не пропускать изъ Сибири съ корпусомъ генералъ-поручника Де-Колонга, (съ корпусомъ сибирскихъ войскъ), коего дѣйствитель-но Бѣлобородовъ не допускалъ пробиться въ оренбургскія гра-ница.

2-й, расположенный подъ Уфою, также подъ начальствомъ другого корпуснаго генерала пугачевскаго, яицкаго казака Чики, коего Пугачевъ украсилъ названіемъ графа Захара Григорьевича Чернышева.

Оба сіи корпуса, по распоряженію Александра Ильича, разбиты и оба начальника оныхъ пойманы, привезены въ Москву, где и казнены **). Первоначальные успѣхи и скорая преграда, про-тивупоставленная Бибиковымъ замысламъ его, Пугачева, прину-дили Пугачева отступить отъ Оренбурга ***), который содержалъ онъ въ осадѣ болѣе 6-ти мѣсяцевъ и до такой довелъ крайности и нужды какъ гарнизонъ сей крѣпости, такъ и жителей оной, что питались сырими кожами и всякою падалью. Въ числѣ гар-низона находилось 300 человѣкъ вѣрныхъ яицкихъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника (Мартемьяна) Бородина, ко-торый изъ Симбирска, съ 40 человѣками яицкихъ казаковъ, со-провождалъ Пугачева до Москвы, и за вѣрность престолу на-

*) Отставной артиллерійскій солдатъ обѣ одной ногѣ, а другая по колѣну оторвана у него въ прусскую Семилѣтнюю войну; уроженецъ оренбургскій. Онъ командовалъ корпусомъ Пугачевыхъ войскъ противъ сибирскаго корпуса, дабы не могъ оный соединиться съ войсками, въ Оренбургскую губернію всту-шившими противъ Пугачева.

Рун.

**) Иванъ Бѣлобородовъ взятъ въ плѣнъ Михельсономъ, по разбитіи Пугачева подъ Казанью, 15 июля 1774 г. Пушкинъ говорить, что Бѣлоборо-довъ былъ высвѣченъ кнутомъ, потому уже отвезенъ въ Москву и казненъ смертью; но въ сентенціи — 10 января 1775 г.—о наказаніи Пугачева и его сообщниковъ не упоминается о назначенномъ Бѣлобородову наказаніи, хотя и говорится о немъ, какъ о злодѣѣ. Иванъ Чика, Зарубинъ то-жъ, по осво-божденіи Уфы отъ осады, выданъ Михельсону въ Табинскѣ, въ концѣ апре-ля или началѣ мая 1774 г. По сентенціи 10 января 1775 г. Чика осужденъ къ отсѣченію головы, съ тѣмъ, чтобы взоткнуть ее на коль, а трупъ сжечь вмѣстѣ съ эшафотомъ. Мѣстомъ казни назначена Уфа.

Ред.

***) 23-го марта 1774 г.

Ред.

гражденыъ былъ государынею императрицею полковничимъ чиномъ и многими подарками.

Еслибъ сей государственный злодѣй съ бунтовщиками Янка не занялся шестимѣсячною осадой Оренбурга, (но устремилъ бы на Казань), то, до прибытія Бибикова, дошелъ бы до самой Москвы*).

Но благость и (священнѣйшій) промыслъ всесильнаго и все-премудраго Бога (ослаѣпилъ умъ злодѣевъ яицкіхъ занятіемъ Оренбурга) и избавилъ Москву отъ разоренія, а съ нею вмѣстѣ и весь россійскаго дворянства родъ отъ погибели.

Пугачевъ, отступая отъ Оренбурга, обратился со всѣми своими силами къ Татищевской крѣпости, въ которой укрѣпясь сильною обороною артиллеріи и всякими припасами снабдясь, въ полномъ былъ увѣреніи и надеждѣ, что никто въ оной не можетъ его преодолѣть; предположилъ отсюда дѣйствовать наѣгами (и тѣмъ изнуรять) и искоренять всѣ корпусы войскъ въ тамошнюю пустыню вошедшіе и вновь входящіе. Но неутомимый, истинно благородной храбости и мужественаго духа, генераль-поручикъ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, не взирая на всѣ трудности зимняго времени, съ корпусомъ своимъ подступилъ къ Татищевой крѣпости, распорядивъ тремя колоннами пѣхоты (такимъ образомъ, чтобы правая и лѣвая равнялась съ среднею); подкрѣпленный нѣкоторымъ числомъ кавалерійскихъ отрядовъ, атаковалъ его, Пугачева, въ крѣпости затворившагося, и прѣтился овладѣть оною штурмомъ; двинулся съ колоннами къ крѣпости, бывъ при средней впереди самъ (и по знаку изъ оной всѣ три колонны должны были вдругъ ударить и броситься на валъ крѣпости и на батареи). И дойдя на картечный выстрѣль къ ней, вдругъ увидѣлъ, что З-я лѣвая колонна остановилась, въ головѣ которой находился 2 гренад. полкъ (и какое-то въ оной происходитъ колебаніе)**).

*) О долговременнѣмъ стояніи подъ Оренбургомъ, сознавать, самъ Пугачевъ свою ошибку, (говоря о ней, когда везенъ былъ въ Москву)—изъясняясь о ней тако: «инѣ весьма нуженъ былъ Оренбургъ, ибо я могъ въ ономъ основать твердое и постоянное мое пребываніе». Но почему такъ онъ думалъ, о томъ своего мнѣнія не открывалъ. Руничь.

**) Солдаты сего полка слышали голоса бунтовщикovъ съ крѣпостного вала: «братьцы солдаты! что вы дѣлаете? вы идете драться и убивать свою братью христіанъ, защищающихъ истиннаго своего государя императора Петра III, который здѣсь въ крѣпости самъ находится!» Руничь.

Въ одно мановеніе бросился князь къ сей колоннѣ, идя по грудь въ снѣгу и ставъ передъ оною съ обнаженною шпагою, закричалъ: «измѣнники, ступай за мной!» Геройскій подвигъ и неустрасимый духъ князя Голицына двинули вдругъ сю колонну, (которая до 300 сажень отстала отъ средней и правой, подошедшими уже къ крѣпости на картечный выстрелъ, и какъ будто нѣкакою волшебною машиною переброшена вся колонна, вырвавшася съ прочими двумя праваго фланга, по коимъ изъ крѣпости открылся адскій огонь картечный; но колонны съ храбрымъ своимъ генераломъ) не ужасаясь губительного картечнаго огня, ни самой смерти, перешагнули съ твердостью мѣру дистанціи онаго, вломились съ неустрасимымъ своимъ предводителемъ въ крѣпость и (штурмомъ) овладѣли оною *).

По упорному защищенію бунтовщиковъ въ крѣпости, побито ихъ болѣе 13 тысячъ человѣкъ **); но Пугачевъ съ лучшими яицкими казаками уѣжалъ изъ оной, но также опять собралъ большія силы, съ коими устремился отъ Оренбурга (внизъ по Волгѣ) въ городу Бугульмѣ, и началъ вновь дѣйствовать въ сей странѣ. (Но здѣсь, по распоряженію Бибикова, противупоставлены были

*) Истину сего своего въ Татищевой крѣпости пораженія, самъ Пугачевъ засвидѣтельствовалъ и подтвердилъ лично передъ княземъ Голицынымъ, который изъ любопытства, желая видѣть его, вошелъ со мною въ избу, где онъ содержался, подъ моямъ присмотромъ, (при коемъ безотлучно въ избѣ было 4 пристава офицеровъ и два человѣка гренадеръ гвардіи преображенскаго полка и два яицкихъ казака). Ставъ противъ Пугачева, и постоявъ нѣсколько минутъ, кн. Голицынъ спросилъ его, Пугачева:

«Емельянъ, знаешь ли ты меня?». Который видя предъ собою генерала въ орденахъ, поклонился низко и спросилъ: «а кто ваша милость?» Князь отвѣчалъ ему: «я—Голицынъ».

Пугачевъ вдругъ спросилъ князя: «не вы ли князь Петръ Михайловичъ?»

«Я», сказалъ князь.

Пугачевъ, привставъ со всѣмъ уваженіемъ, сколько могъ сидящій на нарахъ и прикованный къ стѣнѣ, нижайше поклонился князю и громко, чтобы всѣ бывшіе въ избѣ слышали, сказалъ: «ваше сіятельство прямо храбрый генералъ—вы первый сломили мнѣ рогъ».

Князю возданная похвала скоро промчалась всюду, но скоро и обратилась въ его погибель †).

П. С. Руничъ.

†) Руничъ замекаетъ на ходившій въ его время служь, что кн. П. М. Голицынъ былъ отравленъ завистниками его славы; но Голицынъ убитъ на дуэли Шепелевскимъ 11 ноября 1775 г.

Ред.

**) Пугачевъ разбитъ подъ Татищевою крѣп. 22 марта 1774 г.. Ред.

отряды войскъ, въ томъ числѣ и корпусъ подполковника Михельсона, который торжественно объяснялся, что онъ 18 разъ съ Пугачевымъ сражался).

Грозная, неумолимая смерть! Ты пересѣкаешь нить жизни того, кому данъ одинъ и кому дано десять талантъ. Какъ жестокая рука твоя среди (первоначальныхъ) успѣховъ къ благу отечества пересѣла жизнь преночтеннѣйшаго мужа Бибикова, о смерти коего, на крыльяхъ молніи, изъ Казани (?) перелетѣлъ слухъ къ злодѣю Пугачеву, который узнавъ о томъ, скоро придумалъ, что дежурный генераль покойнаго, князь Щербатовъ, долженъ будетъ нѣкоторое время руководствоваться планомъ Александра Ильича, бывъ при немъ ближайшимъ человѣкомъ, яко дежурный генераль, предположилъ обмануть слабую бдительность дежурнаго генерала *), въ чёмъ и удалось ему успѣть.

Ибо хитрыми партизанскими средствами и движеніями своихъ войскъ показывая видъ, что онъ силится съ ними и намѣреніе имѣть, между городовъ Симбирска и Сызрани, вторгнуться внутрь государства, но вмѣсто того вдругъ обратился съ лучшими войсками (въ сторону) къ рѣкѣ Камѣ, оставя значительныя партии озабочивать и нападать на противупоставленные ему отъ покойнаго Бибикова отряды войскъ. Переправился (черезъ глубокие лѣса) между казенныхъ селеній Сарапуля и Елабуги, чтобъ нынѣ города Вятской губерніи, проведенъ татарами и башкирцами на помѣщичье селеніе татарскаго или грузинскаго князя Тевкелѣва **), Старобалтачево, которое князю Тевкелѣву ***) пожаловано отъ императрицы Анны Ioannovны, отъ коего селенія, дошелъ глубокими лѣсами до рѣки Вятки и переправясь че-

*) Князь Щербатовъ за свою оплошность отставленъ отъ службы и въ присутствіи двора въ столицахъ запрещено ему было находиться. П. С. Рун.

**) Тевкелевы—магометанскаго исповѣданія и одинъ изъ нихъ и теперь муфтіемъ въ Уфѣ. Пугачевъ переправился черезъ р. Каму 23 июня. Ред.

***) Въ Оренбургской губерніи изъ селенія Старобалтачева (возникъ главный башкирскаго бунта возмутитель, въ царствованіе императрицы Анны Ioannovны, въ 1735 и 1736 годахъ, продолжавшійся около 10 почти лѣтъ, о чёмъ можно справиться въ ежемѣсячныхъ академическихъ извѣстіяхъ съ 1754 года и за прошлый. Сіе Старобалтачево татарское селеніе и нѣкоторыя въ числѣ)—1000 душъ татарь (пожалованы въ вѣчное подданство импер. Анною Ioannovною татарскому князю Тевкелеву), ибо сей татарскій князь Тевкелѣвъ (при статскомъ совѣтникѣ Кириловѣ находился, когда 1734 года Кирилову поручено было о построеніи Оренбурга, что можно усмотреть въ инструкціи статскому

резъ оную, устремился прямо къ городу Арску, въ 60 верстахъ отстоящему оть Казани; неожиданно напалъ (съ сей стороны) на оную, выжегъ (всю кругомъ), разорилъ и ограбилъ вокругъ ея все населеніе *) и овладѣлъ бы совершенно крѣпостью, еслибы въ скопости не предъуспѣлъ прійти съ своимъ корпусомъ къ оной подполковникъ Михельсонъ.

Въ сраженіи подъ Казанью съ корпусомъ подполковника Михельсона, Пугачевъ съ неустрашимою дерзостью нѣсколько брать нападалъ на фланги онаго, стараясь сломить оные, и отъ одного до другого проскакивалъ нѣсколько разъ во весь фронтъ корпуса, чѣмъ удивлялъ и въ ужасъ приводилъ солдатъ; угрожалъ имъ, чтобы не дрались противъ своего государя, а наконецъ такъ сильно ударилъ на кавалерію корпуса, что поколебалъ-было весь фронтъ пѣхоты онаго, но отличиою храбростью и отважностью премьеръ-майора Дуве, карабинерныхъ эскадроновъ командира, (изъ датской службы поступившаго въ россійскую, которую вскорѣ послѣ сего сраженія оставилъ), смять, отраженъ и опрокинутъ съ большою потерей, принужденнымъ нашелся бѣжать отъ Казани къ городу Курмышу и быстро къ оному направилъ свое бѣгство съ войскомъ.

Здѣсь нахожу я себя въ необходимости остановить и прервать описание о подвигахъ и преслѣдованіи Михельсономъ Пугачева, который съ войскомъ отъ Курмыша потянулся къ городу Алатырю **).

совѣтнику Кирилову данной); съ статскимъ совѣтникомъ Кириловымъ въ царствование императрицы Анны Ioанновны Тевк. употреблены были строить Оренбургскую крѣпость, которую начально въ двухъ мѣстахъ устраивали; но наконецъ построена оная на нынѣшнемъ мѣстѣ, какъ удобнѣйшемъ найденномъ для границы. (Татары отдавные въ подданство князю Тевкѣлеву какъ въ Старобалтачевѣ, такъ и оренбургскіе, имѣя жалованная грамоты отъ прежнихъ царей, никакъ не хотѣли признавать себя подданными, и при каждомъ вступлении на престолъ государя, бунтовали и неповиновались наслѣдникамъ Тевкѣльва, но въ 1802 году усмирены. Но духъ сихъ татаръ не угаснетъ и ненависть ихъ къ помѣщичью подданству всегда будетъ таиться въ душахъ ихъ).

П. С. Руничь.

*) 12 июля 1774 г.; трижды разбитый Михельсономъ Пугачевъ бѣжалъ отъ Казани 15-го июля.
Ред.

**) У Курмыша Пугачевъ былъ 20-го июля 1774 г.

Ред.

V.

Рассказъ Остафія Трифонова (Долгополова) о поѣздкѣ въ Петербургъ съ предложеніемъ выдать Пугачева. — Трифоновъ у графа Г. Г. Орлова. — Поѣзда Трифонова въ Сарское Село. — Представленіе императрицѣ. — Отправка изъ С.-Петербурга секретной комиссіи.

Іюль и августъ 1774 г.

Изъ Курмыша, подъ названіемъ яицкаго казака (около 18 числа) въ концѣ іюля мѣсяца 1774 года, когда о нашествіи Пугачева на Казань было уже известно государынѣ императрицѣ и всему пространству отъ Казани до Петербурга (и когда вся 1-я армія находилась съ графомъ Румянцовымъ за Дунаемъ, и когда сей герой славы побѣдоноснаго россійскаго оружія въ лагерь былъ одержимъ жестокою болѣзнью), явился въ ономъ (т. е. въ Спб.) у свѣтлѣйшаго князя Григорія Григорьевича Орлова утротъ, въ часу въ 5-мъ, подъ именемъ яицкаго казака, Остафій Трифоновъ *), который тотчасъ и представленъ его свѣтлости былъ.

Князь находился уже въ спальнѣ одѣтый, куда онъ, Трифоновъ, введенъ и оставленъ въ оной съ его свѣтлостью одинъ. Поклонясь до полу князю и вынувъ изъ за-пазухи письмо на имя его свѣтлости, подалъ, которое князь, распечатавъ, читаль съ величайшимъ вниманіемъ и прочитавъ оное, вложилъ въ мундиръ лѣваго бокового кармана, позвонилъ въ колокольчикъ и вошедшему своему камердинеру приказалъ закладывать и подвести тотчасъ карету **). Когда доложено было, что карета готова,

*) Все то, что ниже сего описано, самъ Остафій Трифоновъ пересказывалъ мнѣ въ пути изъ Москвы отъ слова до слова. А какъ впослѣдствіи открылись всѣ его, Трифонова, хитроумныя дѣянія, то объ оныхъ можно видѣть изъ его допросовъ съ прочими злодѣями въ Москвѣ судимыхъ, о коихъ я никакого не имѣю свѣдѣнія, ибо при комиссіи уже не находился въ сіе время.

П. С. Руничи.

**) Приводимъ интересныя подробности этого свиданія изъ черновой рукописи записокъ П. С. Рунича; авторъ почему-то не счелъ нужнымъ внести ихъ въ бѣловую свою рукопись: «Назвавшійся яицкимъ казакомъ Остафій Трифоновъ — открывшійся впослѣдствіи города Ржева-Владимірова купецъ Долгополовъ, обанкротившійся и безъ вѣсти долгое время пропадавшій, пришедший въ Петербургъ, во 2 часу по полуночи, прямо пошелъ въ домъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Григорьевича Орлова.

«Подошелъ къ двумъ часовымъ рейтарамъ конной-гвардіи, стоявшимъ во внутреннемъ крыльцѣ на часахъ, не говоря ни слова онимъ, шелъ въ переднюю комнату дома. Но часовые, не пуская его идти туда, остановили, кото-

ва, то князь сказалъ Трифонову: «пойдемъ со мною», изволилъ приказать сѣсть мнѣ съ нимъ въ карету и приказалъ бѣхать въ Сарское Село, гдѣ императрица съ дворомъ изволила находиться.

рѣмъ онъ сказалъ: «мнѣ нужно секретно видѣть князева камердинера. Одинъ изъ васъ останься на своемъ мѣстѣ, а другой поведи меня въ переднюю, тамъ велю я дежурному разбудить камердинера и привести ко мнѣ.»

«Часовые, слыша отъ незнакомца дома таковыхъ рѣчи, одинъ пошелъ съ нимъ въ переднюю, гдѣ спали два лакея. Разбудя ихъ, Остафій велѣлъ одному идти и скоро разбудить камердинера и сказать ему, чтобы онъ не медля пришелъ, ибо дожидаетъ его человѣкъ, который ему такую откроѣтъ тайну, которая не терпитъ долгаго мѣшканья времени. Камердинеръ разбуженъ и въ шлафрокѣ явился въ передней, гдѣ увида ничего незначащаго человѣка съ бородой, въ затасканномъ зеленомъ кафтанѣ, спросилъ его, Остафія, съ гордостью: «что ты хочешь отъ меня?» Остафій ему сказалъ: «нагни голову, то я тебѣ скажу на ухо, чего я хочу». Камердинеръ, хотя однажды съ трепетомъ, но нагнуль свою голову и Остафій ему сказалъ: «веди меня сюю минуту къ князю въ спальню, ну, ну сюю минуту».

«Можно себѣ представить положеніе въ сюю минуту камердинера, который, взявъ свѣчу, сказалъ: «поди за мною»; а часовому велѣлъ оставаться въ передней, довѣръ до дверей спальни, довольно крѣпко пальцами три раза постучалъ въ спальни двери и услышавъ князь стукъ въ онны громко спросилъ: «кто тамъ?»

«Камердинеръ отвѣтствовалъ: «ваша свѣтлость, назвалъ свое имя, я.»

«Ему отвѣтствовано: «поди сюда».

«Трифоновъ взялъ камердинера за полу, вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ спальню, что весьма удивило князя, которому Трифоновъ, низко поклонясь, доложилъ: «извольте, ваша свѣтлость, встать съ постели и одѣваться, а ему прикажите велѣвать закладывать карету».

«Князь Григорій Григорьевичъ всталъ съ постели, тотчасъ одѣлся и послалъ камердинера, чтобы какъ скоро карета будетъ готова, то ему сказать.

«Остафій Трифоновъ, оставшись съ княземъ одинъ—вынувъ изъ-запазушного кармана письмо на имя его свѣтлости, подаль, которое князь распечатавъ и увидя въ ономъ тайну, что изъ числа 360 человѣкъ яицкихъ казаковъ, узнавъ по отступлениі отъ Казани, что начальникъ ихъ ложный императоръ Петръ III, что онъ съ Дона бѣглый казакъ Пугачевъ, боялся, чтобы онъ не обманулъ ихъ и не ушелъ бы въ Керженскіе лѣса, гдѣ никто его тамъ ужъ не найдеть, рѣшительно согласились выдать сего злодѣя, просить, чтобы къ нимъ былъ присланъ чиновникъ съ небольшою командою, на какой конецъ отправили секретно его, Трифонова, которому выдать его, Пугачева, по переговорѣ съ Остафіемъ Трифоновымъ, они готовы; а дабы не подать никакого сумленія въ ихъ заговорѣ, донесли своему императору, что Трифоновъ жестоко и отчаянно забогѣль и не можетъ идти въ походъ, почему и оставленъ въ Курмышѣ и если не умретъ, то гдѣ бы ни была армія, по выздоровленіи, проберется къ ней.

«Въ письмѣ не одною рукою, но разными вписаны имена, точно всѣ до единаго яицкихъ казаковъ, въ числѣ коихъ написано имя злѣйшаго злодѣя изверга Перфильева.»

П. С. Руничъ.

«Въ дорогѣ его свѣтлость изволилъ меня распрашивать о проишествіяхъ по яицкому возмущенію и, между прочимъ, спросить меня изволилъ о Перфильевѣ *), о которомъ доложилъ я его свѣтлости, что онъ вписанъ въ письмѣ отъ меня поданномъ, на что князь не изволилъ ни слова сказать.

«Князь, приѣхавъ со мною въ Сарское Село прямо ко двору и вышедъ изъ кареты, приказалъ мнѣ идти за собою. Дошедши въ ту комнату, гдѣ у дверей стояло двое часовыхъ, изволилъ имъ приказать, чтобы они при себѣ меня имѣли.

«Съ полчаса стоялъ я у сихъ часовыхъ; потомъ князь вышелъ и приказалъ мнѣ идти за нимъ, и прямо со мною вошелъ въ почивальню къ государынѣ-императрицѣ.

«Увидѣвъ государыню, я упалъ къ ногамъ ея величества. Императрица-государыня повелѣть мнѣ соизволила встать и всемилостивѣйше изволила пожаловать мнѣ ручку свою поцѣловать». — Которую сей безбожный хитрецъ удостоился иѣсколько кратъ цѣловать! вотъ какъ подлѣйшіе лицемѣры дерзаютъ дѣйствовать и обольщать лестью иногда благость и праводушіе и доброту своихъ монарховъ предувѣреніями своими о всеподданнической къ нимъ вѣрности, усердіи и преданности!

«Послѣ чего изволила государыня, при князѣ Орловѣ, (испытывать): распрашивать меня о вѣренномъ мнѣ дѣлѣ и о прочихъ проишествіяхъ возмущенія на Яикѣ, (на что Трифоновъ, со всею отважностью ума своего, отвѣчалъ ея величеству).

«Между прочимъ ея величество соизволила меня спросить: какъ могъ я проѣхать или пройти чрезъ Москву?

«На что доложилъ я государынѣ: «Если угодно вашему вѣ-

*) Сей извергъ Перфильевъ (изъ давнихъ временъ имѣвшій входъ ко многимъ членамъ военной коллегіи и прочимъ, который съ самаго начала не-повиновенія оказавшагося на Яикѣ, какъ преданный человѣкъ, раза по два по три въ году) пріѣзжалъ повѣреннымъ по дѣламъ отъ яицкихъ казаковъ въ Петербургъ; но по пути какъ въ оный (откуда переносилъ всѣ вѣсти тайно имъ узнанныя), такъ и обратно на Яикѣ, гдѣ только ему удавалось, (вместо мира), разливать ядъ и приготавлять людей къ своимъ замысламъ, яицкихъ возмутителей. Сей злѣйшій изъ злодѣевъ злодѣй, по вкрадчивому и пронырливому своему уму, никѣмъ въ Петербургѣ не былъ подозрѣваемъ, что онъ есть изъ первѣйшихъ бунтовщиковъ на Яикѣ; (до самаго провозглашенія Пугачева императоромъ Петромъ III явился въ Петербургъ со своимъ промысломъ): о чёмъ узнато ужъ тогда, когда Пугачевъ провозглашенъ былъ императоромъ (послѣ чего не являлся ужъ въ ономъ).

П. С. Руничъ.

личеству, то я проведу чрезъ оную 10 т. человѣкъ и нието о томъ не провѣдѣаетъ. Я прошелъ въ Москву вотъ какимъ образомъ, ваше величество: приставъ за 5 верстъ къ єдущимъ въ городъ подводамъ съ дровами и сѣномъ, перекрестясь у заставы, иду прямо въ этомъ кафтанѣ въ нее, мимо часового, тутъ стоящаго, который, увидя меня, ухватилъ за лѣвую полу кафтаны и закричалъ: «стой, куда ты идешь? есть ли у тебя письменный видъ?» Я ему безъ робости отвѣчалъ: «господинъ служивый, былъ у меня отъ старости такого-то казеннааго селенія; но верстъ за десятокъ отсюда вотъ изъ лѣваго продравшагося кармана потерялъ, куда съ нимъ завязанное кое-что и другое положено было». Служивый, всунувъ руку въ лѣвый мой карманъ, которая прошла насквозь, выдернувъ оную съ сердцемъ, толкнулъ меня въ заставу такъ сильно, что я было упалъ; стоящіе тутъ солдаты и народъ захочотали, а я, провождаемый ихъ сѣхомъ, пошелъ прямо по улицѣ. Вотъ матушка-государыня, какимъ образомъ прошелъ я Москву, показавъ и прорваный мой карманъ».

«Государыня императрица изволила усмѣхнуться и что-то князю сказать, который вывелъ меня изъ почивальни и приказалъ какому-то господину, стоящему у дверей почивальни, отвести меня въ комнаты, гдѣ князь останавливается во дворцѣ, гдѣ я въ передней, при двухъ лакеяхъ, часа два дождался князя».

«Черезъ часъ мѣсто подошелъ ко мнѣ какой-то человѣкъ въ зеленомъ кафтанѣ съ галуномъ на камзолѣ, и спросилъ меня: «не хочешь ли, братъ, ты водки выпить и закусить?» Я отвѣчалъ ему: «благодарствую, государь мой, я не пью ни водки, ни вина, ни пива, а сѣль бы кусочекъ хлѣба съ солью». Онъ отъ меня побѣжалъ и скоро на подносѣ серебряномъ поднесъ мнѣ нѣсколько кусочковъ жареной курицы и многихъ кренделей, кусокъ ситнаго хлѣба и соль. Я вставъ перекрестился и посоливъ хлѣба, взялъ также три кренделька, стоячи сталь єсть. Но принесшій мнѣ завтракъ сказалъ мнѣ съ ласкою: «сядь, братецъ, и возьми еще что тебѣ угодно». Поклоняясь сему добруму человѣку, я сѣлъ подлѣ окошка, сѣль кусокъ хлѣба, облокотился и задремалъ».

«(Во все время, что я былъ въ передней, никто въ оную не входилъ, кромѣ двухъ человѣкъ, первого что мнѣ приносилъ водку и

другого изъ комнаты, гдѣ находились двое лакеевъ—именно господинъ стоявшій передъ почивальнойной государыни-императрицы. Черезъ часъ времени князь вошелъ въ переднюю; увида меня, изволилъ мнѣ сказать: «подожди здѣсь немного мой другъ»,—изволилъ пойти въ другую комнату. Минутъ черезъ десять вышелъ ко мнѣ человѣкъ у коего на камзолѣ и у кафтана на воротѣ были галуны: «пожалуйте за мною, мой другъ», сказаль мнѣ, и ввелъ меня черезъ двѣ комнаты, и отворивъ одну половину двери, у третьей указалъ мнѣ идти туда и затворилъ за мною дверь. Князь у зеркального стола стоя читалъ какую-то пебольшую записку въ поллиста, перегнувъ которую, прочитавъ, изволилъ вложить въ карманъ и повероясь ко мнѣ, съ улыбкою изволилъ мнѣ сказать: «здравствуй, мой ноющай товарищъ!»

«Я низко поклонился. Князь, оборотясь къ стоящему въ кабинетѣ подъ зеркаломъ, большому, высокому, богато-украшенному комоду, вынувъ изъ онаго кошелекъ съ золотою монетою, изволилъ мнѣ съ усмѣшкой сказать: «подай, братъ, правую твою руку», на которую изволилъ мнѣ вынутый кошелекъ положить, сказавъ при томъ: «положи въ карманъ, но не въ лѣвый тамъ дира». (Изволилъ спросить меня: женатъ ли я, а какъ я доложилъ его свѣтлости, что женатъ, то изволилъ мнѣ сказать: «возьми вотъ, указывая на кресла, узель, онъ тебѣ принадлежитъ»; потомъ) примолвить изволилъ: «всемилостивѣйшая государыня, на первый случай, жалуетъ тебѣ кошелекъ *) и (узель **)», а когда кончиши свое дѣло, то будешь болѣе и болѣе награжденъ».

«Изволилъ графъ позвонить въ колокольчикъ, на который позывъ вошелъ придворный камеръ-лакей, коему приказалъ князь, чтобы онъ взялъ меня въ свою комнату, и чтобы я былъ хорошо накормленъ и успокоенъ имъ и что если я захочу, то чтобы далъ мнѣ человѣка, съ которымъ могъ бы я по селу и саду погулять свободно; приказать изволилъ ему, камеръ-лакею, чтобы онъ, какъ отведеть меня въ свою комнату, то чтобы тотчасъ къ нему, князю, пришелъ.

«Въ 9-мъ часу вечера выѣхалъ князь со мною изъ Сарского

*) По счету оказалось въ кошелкѣ 200 червонныхъ.

**) Въ ономъ завязано было два куска бархату, одинъ яхонтового цвету, а другой какъ будто вишневый, 10 аршинъ золотого глазету и 12 аршинъ золотого-жъ галуна съ битью).

Села и по приѣздѣ въ Петербургъ, позвать изволилъ какого-то къ себѣ офицера, приказавъ ему меня взять къ себѣ, чтобы я у его покойно переночевалъ и былъ угощенъ; у которого въ комнатахъ я и провелъ ночь *); а утромъ въ 9 часовъ позванъ я къ его свѣтлости и отданъ капитану гвардіи Галахову, которому князь далъ два пакета въ руки **), сказавъ: «поехжайте

*) Въ черновой рукописи находимъ слѣдующія подробности, измѣненные въ бѣловомъ экземплярѣ записокъ: «Его свѣтлость изволилъ мнѣ приказатьѣхать въ Петербургъ въ его домъ; изволилъ при томъ дать мнѣ запечатанное уголкомъ писемцо, чтобы по приѣздѣ отдалъ оное его камердинеру и послушавъ въ колокольчикъ, на которой стукъ вошелъ тотъ самый человѣкъ, который впустилъ меня въ комнату къ князю. Его свѣтлость приказалъ изволилъ ему взять узель мой и проводить меня до приготовленной для меня повозки. Сѣть въ оную, повезъ меня ямщикъ въ Петербургъ и привезъ прямо въ домъ его свѣтлости, гдѣ нашедъ камердинера, отдалъ ему письмо, который увидя меня улыбнулся; а прочитавъ письмо, сказалъ мнѣ худымъ русскимъ языкомъ: «хорошо, братецъ». Тотчасъ велѣлъ позвать къ себѣ какого-то офицера, отдать ему письмо князево и меня, который приказалъ мнѣ идти за собою, привезъ меня въ другой домъ и отворивъ ключемъ двѣ комнаты, чистыя и хорошо прибранныя, сказалъ мнѣ: «вотъ вамъ комнаты; все, что вамъ надобно для васъ, будеть готово, а если вы захотите пойти со двора, то пожалуйте только скажите мнѣ, а я сейчасъ пришлю къ вамъ слугу, который будеть при васъ; приказывайте ему все, что вамъ угодно». Скоро сей офицеръ привезъ ко мнѣ слугу и сказалъ мнѣ: «сейчасъ принесутъ къ вамъ пообѣдать»; и вышелъ отъ меня. Свѣтлѣйший вѣлялъ приѣхать изъ Сарского Села вечеромъ часовъ 9. Черезъ полчаса пришелъ ко мнѣ тотъ самый офицеръ, который отвелъ мнѣ комнаты, и сказалъ, что князь зоветъ меня и повелъ меня въ большой домъ; провелъ черезъ нѣсколько комнатъ нижняго жилья и по небольшой лѣстницѣ вошли мы въ верхнія комнаты и прошедь оныхъ 2 или 3, отворилъ дверь и сказалъ «пожалуйте туда». Я вошелъ въ комнату, въ которой князь изволилъ ходить, заворота обѣ руки назадъ и услыша, что дверь отворилась и увидя меня весьма милостиво изволилъ мнѣ сказать: «здравствуй, Остафій Трифоновичъ, хорошо ли ты добѣхаль», и изволилъ меня сполчаса разспрашиввать о многихъ обстоятельствахъ лицаго возмущенія, наконецъ сказать изволилъ: «завтра, или послѣ завтра, съ капитаномъ гвардіи ты отправишся въ путь; поди съ Богомъ. Если желаешь или имѣешь надобность съ кѣмъ-нибудь видѣться въ городѣ, то поди куда тебѣ угодно; ибо ты свободентъ». Поклонясь его свѣтлости, доложилъ ему, что я въ Петербургѣ никого не имѣю знакомыхъ; ибо я во всю жизнь мою въ немъ не бывалъ. И такъ, вышедъ въ другую комнату, увидѣлъ офицера своего и съ нимъ прошелъ въ отведенные мнѣ покон. На другой день, какъ смерклось, г. офицеръ бывшій при мнѣ отвезъ меня въ коляскѣ къ г-ну капитану гвардіи Галахову, которому отъ князя отдалъ пакетъ».

**) Въ 1-мъ пакетѣ имѣлся реескриптъ гвардіи капитану Галахову, въ которомъ предписано было «отправиться ему немедленно съ извѣстнымъ человѣкомъ для переговоровъ»; а во 2-мъ—велѣно было распечатать оный, когда востребуется надобность въ томъ.

П. С. Руничъ.

съ Богомъ на предлежащее вамъ дѣло и кончите оное съ усердіемъ и вѣрностію, за что и не будете оставлены милостію государыни императрицы»; а мнѣ, съ особливою милостію, изволилъ сказать: «Прощай, Остафій Трифоновичъ».

«На другой день, вечеромъ, отправился я съ капитаномъ Галаховымъ и двумя grenaderами преображенского полка гвардіи въ Москву, куда приѣхали въ четвертый день пополудни».

VI.

П. С. Потемкинъ.—Назначеніе графа П. И. Панина главнокомандующимъ въ низовыій край. — Составитель записокъ поступаетъ къ нему на службу.—Определеніе его въ Секретную комиссию.

Іюль и августъ 1774 г.

Сказано уже выше сего, что государынѣ-императрицѣ сдѣлалось известнымъ о нашествіи Пугачева на Казань.

Ея величество, по узнанію о томъ, тотчасъ повелѣть соизволила отправиться въ оную генераль-майору Павлу Сергеевичу Потемкину, на которого возложено принять въ ней начальство *); а вмѣстѣ съ тѣмъ **) немедленно посланъ въ Москву курьеръ къ графу Петру Ивановичу Панину ***) съ высочайшимъ повелѣніемъ, чтобъ онъ, Панинъ, какъ возможно поспѣшнѣе, отправился въ бунтующую страну и принялъ бы начальство, со всею властію, надъ войскомъ и всѣмъ тамошнимъ краемъ. У сего правдиваго, вѣрнаго и нелицемѣрнаго духа 60-ти-лѣтняго старца, оставившаго службу и покоящагося на лаврахъ бендерской побѣды, препочтенного сына русской земли, въ самый тотъ день, что получилъ онъ отъ государыни императрицы съ курьеромъ высочайшее повелѣніе ѻхать въ бунтующую страну и принять начальство надъ войскомъ и всѣмъ тамошнимъ

*) Потемкинъ назначенъ былъ начальникомъ секретныхъ комиссій до взятія Казани; 8 іюля 1774 г. онъ уже доносилъ императрицѣ изъ Казани.

Ред.

**) Не вѣрно о назначеніи: гр. Панина именной указъ послѣдовалъ 29 іюля 1774 г.

Ред.

***) За нѣсколько дній до приѣзда курьера къ графу Панину, московское и прочее, находящееся въ городѣ дворянство, въ числѣ коего случилось и мнѣ быть, собрано было въ домѣ главнокомандующаго князя Михаила Никитича Волхонскаго, для набора въ уланскій московскій корпусъ дворовыхъ господскихъ людей и выбора надъ оними начальника, коимъ избранъ былъ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ. П. С. Руничи.

краемъ, умеръ сынъ. Но ни случившаяся сія семейственная горесть, ни оскорблениі по службѣ, имъ перенесенныя, не остановили благородной души его рвения принять на себя возложенное на его дѣло; онъ тотъ же день обратилъ присланнаго къ нему курьера съ донесеніемъ государынѣ императрицѣ, что, во исполненіе высочайшаго ея величества повелѣнія, немедленно отправится въ бунтующую страну и будетъ жертвовать тамъ всею своею жизнью къ усмиренію и прекращенію возникшаго зла.

Находясь въ сіе время въ отпуску въ Москвѣ изъ 1-ой арміи, въ майорскомъ чинѣ, для излеченія раненої правой ноги сильною контузіею въ сраженіи на Ларгѣ 1770 года іюля 7 дня полученою, бывъ квартирмейстромъ въ колоножной командѣ генераль-квартирмейстра Баура, явился я къ графу Петру Ивановичу Панину, который зналъ меня въ бытность мою кадетомъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, а брата моего родного, Петра, служившаго въ семилѣтнюю прусскую войну капитаномъ подъ начальствомъ его сіятельства и паки премьер-майоромъ подъ его же начальствомъ подъ Бендерами, гдѣ въ штурмѣ бывъ жестоко израненъ, вскорѣ отъ ранъ умеръ. Присягъ я графа принять меня подъ свое начальство, на что графъ съ крайнимъ удовольствіемъ (что явился къ нему первый съ желаніемъ служить подъ его начальствомъ въ то время, когда государству предстоитъ нужда въ людяхъ), согласился, причислилъ меня къ себѣ и далъ о томъ знать военной коллегіи.

Дней черезъ пять приѣхалъ въ Москву, послѣ назначенія графа Петра Ивановича, гвардіи Преображенскаго полка капитанъ Галаховъ съ Остафьевъ Трифоновымъ и двумя гренадерами онаго полка, Дибулинымъ и Кузнецовымъ, коему вѣрно было явиться у графа Петра Ивановича и получить отъ его сіятельства наставленіе, въ которой сторонѣ бунтующаго врага, по извѣстіямъ до его дошедшими, предполагаетъ онъ, графъ, находится Пугачевъ съ своимъ войскомъ (ибо императрица предполагать соизволила, что графъ Панинъ можетъ быть имѣть ужъ о томъ извѣстіе отъ котораго-нибудь корпуснаго командира), дабы ему, Галахову, можно было безпрепятственно съ своею комиссіею туда слѣдовать. Но какъ графъ и самъ не имѣть ниоткуда вѣрнаго извѣстія о томъ, кромѣ того только, что около городовъ Шацка и Керинска народъ бунтуетъ, то и

предписалъ онъ полковнику Древицу съ 4-ми эскадронами Венгерского гусарского полка поспѣшно чрезъ городъ Рязань туда слѣдовать, предназначивъ графъ и ему, Галахову, по сему-же тракту отправиться, и нагнавъ полковника Древица съ его командою, до дальнѣйшаго вѣрнаго извѣстія о Пугачевѣ, находиться ему съ своею комиссіею при семъ отрядѣ.

Увидясь у графа съ послуживцемъ своимъ въ 1-й армії, будучи обой въ авангардномъ корпусѣ генераль-поручика Григорія Александровича Потемкина, по убѣдительной его, Галахова, просьбѣ отправиться съ нимъ въ секретной его комиссіи, представили обои о томъ графу Петру Ивановичу, который, изъявивъ на то свое согласіе, давъ объ ономъ знать военной коллегіи, заблагоразсудилъ г. Галахову предложить о причисленіи меня къ его командѣ.

Поступивъ такимъ образомъ въ сію секретную комиссію, и принявъ по оной управлениe дѣлами (пробывъ съ сею комиссию три дня въ Москвѣ, где повелѣно было получить деньги, не могли оныхъ ни въ какомъ мѣстѣ найти болѣе 15 тысячъ рублей золотою монетою, которая и получили изъ Соляной конторы отъ начальника оной, тайного советника и св. Анны кавалера Михаила Яковлевича Маслова; выбрали 10 человѣкъ солдатъ изъ команды Преображенского полка) и отправились съ комиссию и Остафьевъ Трифоновымъ изъ Москвы по рязанскому тракту, 1774 года августа 5 дня, и доѣхавъ до (дворцового) села Люберицъ, поворотили съ оного влево на Гуслинскую волость, а изъ оной въ село Дѣднево; переправились черезъ Оку и за 40 верстъ отъ оной настигнувъ полковника Древица съ эскадронами, прибыли въ провинциальной городъ Рязань.

VII.

Слѣдованіе Комиссіи по югу, изволнованному мятежомъ. — Рязань. — Шадръ. — Отраженіе мятежниковъ отъ г. Керенска. — Комиссія въ Аззамасѣ, Апоченскѣ, Сарансѣ. — Примѣры варварства Пугачева. — Помѣщицѣ Салтыковъ. — Картины опустошенія, произведенного Пугачевымъ. — Ненза. — Крѣпость Петровская. — Саратовъ. — Нѣмецкія колоніи. — Вниманіе къ нимъ Пугачева. — Комиссія въ Камышенскѣ и въ станицѣ Каменѣѣ. — Встрѣча съ Пугачевымъ. — Комиссія въ Дубовикѣ и въ Щарицѣ.

Августъ 1774 г.

Воевода города Рязани, надворный советникъ Михайла

Иванович Кологризовъ, представилъ полковнику Древицу и комиссии рапортъ, что около города селенія прилежащія, не слушаясь его предписаній, не даютъ лошадей на подставу для проѣзда его сіятельства графа Панина, и что онъ повседневно получаетъ сношенія отъ Шацкаго воеводы, подполковника Лопатина, о возмущеніи народномъ въ его провинціи и вторичномъ уже нападеніи бунтовщиковъ на городъ Керинскъ, (отстоящей отъ Шацка въ 80 верстахъ, отъ коихъ воевода Перскій и оборонялся, но въ третій уже разъ атаковало городъ до 10 тысячъ бунтовщиковъ), о чемъ и донесъ онъ московской губернской канцеляріи и его сіятельству князю Михаилу Никитичу Волхонскому и графу Петру Ивановичу Панину.

По разсмотрѣніи сихъ рапортовъ полковникомъ Древицемъ, капитаномъ Галаховымъ и мною (и при воеводѣ Кологризовѣ), положено было отправиться мнѣ тайно вооруженнымъ (добрными пистолетами), въ простомъ одѣяніи, тотъ же день въ Шацкъ (и дознаться тамъ о всѣхъ происшествіяхъ), а полковнику Древицу съ комиссию выступить на другой день, оставя воеводѣ 1 офицера съ 15-ю человѣкъ гусаръ для сгона подводъ подъ экипажи графа Панина и его свиты, и на случай усмиренія неповиновенія черни. Предписано мнѣ было, по приѣздѣ въ городъ Шацкъ, объявить воеводѣ, чтобы для гусарскаго полка и комиссіи тотчасъ отведены были въ городѣ квартиры, а между тѣмъ разсѣять слухъ, что чрезъ два дни весь сказанный отрядъ вступитъ въ оный (на проѣздѣ до онаго даны мнѣ двѣ подрожныя: одна отъ полковника Древица, а другая отъ воеводы).

Проехавъ ночью кое-какъ многія селенія и приѣхавъ 15 августа въ село одно, около 11 часовъ пополуночи, нахожу въ ономъ множество народа и много подгудявшіхъ. Спросилъ старосту и приказалъ ему, какъ можно скорѣе, дать мнѣ за проѣзныи повозку съ тремя лошадьми; который безотговорочно чрезъ часъ мнѣ и привель оную.

Вѣхавъ (15 августа) изъ селенія въ лѣсъ и проѣхавъ онимъ версты двѣ, вдругъ подводчикъ остановился и обратясь ко мнѣ, спросилъ меня: («Не въ батюшкѣ ли государю ты Ѵдешъ изъ Москвы), и не слышно ли въ ней, скоро-ль наслѣдникъ, государь,

Павель Петрович изволить (къ нему) здѣсь проѣхать? Мы его то и дѣло, что всякий день сюда ожидаемъ *).

Услыша отъ мужика сей странный вопросъ, я нашелся только ему въ отвѣтъ сказать:

«Молчи, братъ!»

Услыша мой отзывъ, ударилъ по лошадямъ и поскакалъ.

Приѣхавъ въ Шацкъ прямо въ земляную крѣпость къ воеводскому дому, у которого четыре старика статной команды поддѣлывали къ З чугуннымъ пушкамъ низенькие топорные лафеты (и колеса), вошелъ въ переднюю комнату воеводского дома; находжу въ немъ слугу, держащаго въ рукахъ вязанный имъ чулокъ и дремавшаго крѣпко, разбудилъ его и спросилъ:

«Гдѣ г. воевода?»

(Слуга, дѣлая свое дѣло и не вставая со скамьи своей), спросилъ меня: «на что онъ тебѣ?» и отвѣталъ мнѣ: «воевода легъ (недавно) послѣ кушанья почивать».

«Поди, мой другъ», сказалъ я ему, — «разбуди г. воеводу и поведи меня къ нему».

Но слуга отвѣталъ: «Не знаю, какъ тебя назвать, но воевода не любить, чтобы его послѣ обѣда будить».

«Поди! прикрикнулъ я на него, а не то я пойду и разбужу его самъ».

Нехотя, но пошелъ онъ, а я за нимъ, и пройдя двѣ комнаты, остановился у двери слуга и постучалъ въ дверь весьма умѣренно, но изъ комнаты былъ вопросъ:

«Кто тамъ?»

«Я, Иванъ», отвѣтствовалъ слуга.

— Что такое?

«Какой-то человѣкъ приѣхалъ къ вамъ и стоитъ со мною здѣсь у дверей».

Минуты чрезъ двѣ изъ внутри спальни (ключемъ) отворена дверь и г. воевода, человѣкъ около 9 вершковъ росту, вышелъ изъ оной въ пестромъ шлафрокѣ, въ колнакѣ и туфляхъ.

Увидя меня, сурово спросилъ:

— «Что тебѣ надобно, а слугѣ сказалъ: Иванъ, постой

*) Въ бѣловомъ экземплярѣ записокъ Руничъ начало этого вопроса значительно измѣнилъ, а именно: «Скажи, батюшка государь, не изъ Москвы-ль ты ѿдешь?»

Ред.

здѣсь».—Не говоря ни слова г. воеводѣ, но вынувъ изъ бокового сюртучного кармана (подорожную) ордеръ, подписанный гг. полковникомъ Древицемъ и гвардіи капитаномъ Галаховымъ, который воевода, взявъ и вынувъ очки, началъ читать про себя; но увидя въ ономъ (майорскій) чинѣ мой (и что я отправленъ въ городъ ему подчиненный), вдругъ съ торопостью, снимая колпакъ, едва не уронилъ свои наемные глаза, подошелъ ко мнѣ и весьма перемѣшаннымъ голосомъ сказалъ мнѣ: «извините меня, ваше высокоблагородіе, покорнѣйше прошу сѣсть», и спросилъ ту минуту: «батюшка, изволили вы кушать?»

Я ему отвѣтствовалъ: «пожалуйте, не заботьтесь обо мнѣ». Но г. воевода приказалъ своему слугѣ, стоящему при нась, пакрывать скоряе на столъ и кушать давать. Между тѣмъ я просилъ г. воеводу прочитать мой ордеръ и вышелъ къ повозкѣ заплатить подводчику прогоны и, заплатя ему (оныя, велѣль емуѣхать куда хотѣть); попросилъ одного изъ служивыхъ, работающаго около пушечныхъ лафетовъ, чтобы онъ изъ повозки вынулъ мой чемоданчикъ, плащъ и саблю, спрятанную въ сѣнѣ подъ онымъ; а прочимъ какъ солдатамъ, тремъ человѣкамъ, трудившимся въ поддѣлѣ лафетовъ, такъ и стоявшимъ безъ дѣлъ, разнаго званія, при сей работѣ, сказалъ:

«Перестаньте, служивые, трудиться около вашихъ чугунныхъ пушекъ; завтра придутъ сюда настоящія мѣдныя пушки».

Служивые, выслушавъ меня, остановились, а стоявшіе зрители, одинъ за однимъ, начали уходить съ своихъ мѣстъ.

(По приносѣ чемодана, вынулъ я мой мундиръ и одѣлся. Г. воевода, какъ я скинулъ сюртукъ, увидя два пистолета и кинжалъ, кои такъ были скрыты, что нельзя было ихъ примѣтить, крайне удивляясь тому, сказалъ мнѣ: «позвольте, батюшка, и мнѣ пойти надѣть мундиръ». Онъ пошелъ одѣваться и закричалъ Ивану скорѣе кушать давать. Между тѣмъ пошелъ я прямо за валъ крѣпости и походя нѣсколько времени по торговому мѣсту, гдѣ болѣе, толпилось народу, изъ коего нѣкоторые снимая шляпы и шапки кланялись, а нѣкоторые, увида меня, удалялись).

Возвратясь къ г. воеводѣ, нашелъ его, старика, въ мундирѣ штабъ-офицерскомъ, ибо онъ былъ подполковничьяго или полковничьяго чина. (Онъ представилъ меня своей супругѣ, а мнѣ своего товарища и секретаря, а за ними назначенаго мнѣ вѣ-

стового. Доложилъ я г. воеводѣ, чтобы онъ немедленно приказалъ къ завтрашнему утру приготовить въ самомъ городѣ квартиры полковнику Древицу и гвардію капитану преображенскаго полка Галахову и всему корпусу какъ для лошадей, такъ и людей, чтѣ вѣсма обрадовало всѣхъ тутъ бывшихъ. Г. воевода тотчасъ послалъ за своимъ офицеромъ статной команды и за ратушными судьями, а меня просилъ пообѣдать, «что Богъ послалъ» сказавъ. За столъ проводили меня его супруга, самъ воевода, товарищъ и секретарь, коихъ съ великимъ трудомъ упросилъ я сѣсть. Хозяйка нѣсколько разъ выходила изъ столовой и опять возвращалась въ оную. Наконецъ, вставъ изо стола я такимъ же образомъ хозяйкою и прочими проведенъ въ ту комнату, гдѣ съ г. воеводою встрѣтился и, въ удивленію моему, увидѣлъ въ ней болѣе 30 дамъ и десятка два мужчинъ въ различныхъ нарядахъ, кои всѣ вообще, при входѣ моемъ, встали, дамы иныя кланялись, другія присѣдали, а мужчины, подходя съ низкими поклонами, рекомендовались и всѣ почти въ одно слово говорили: «отецъ нашъ, ты своимъ приѣздомъ оживилъ насъ всѣхъ». Послѣ таковой церемоніи начали рассказывать разныя исторіи о неповиновеніи и возмущеніяхъ крестьянъ, кои надобно было выслушивать. Скоро появились въ сей же комнатѣ ратушные или магистратскіе члены и статной команды два офицера, коимъ г. воевода приказалъ, чтобы для имѣющаго завтра вступить въ городъ корпуса войскъ, какъ для людей, такъ и лошадей были приготовлены квартиры, о чѣмъ и я имъ подтвердилъ, чтобы точно все то, что г. воевода имъ приказываетъ, было исполнено непремѣнно; ибо корпусъ прежде половины дня въ городъ вступить. Оставилъ собравшихся у г. воеводы, пошелъ по городу и походивъ по улицамъ болѣе часу, возвратясь нашесть еще болѣе 70 человѣкъ дамъ и мужчинъ. Ночь прошла благополучно безъ всякаго въ городѣ шума и беспорядку).

Отдалъ воевода мнѣ мой ордеръ и сказавъ мнѣ, что приказалъ отводить квартиры, подаль мнѣ полученные вчерашияго дня отъ Керинскаго воеводы бумаги, въ коихъ извѣщаетъ, что до 10 т. бунтовщиковъ обступили его городъ и хотятъ штурмомъ оный взять, и что онъ въ крайнемъ находится бѣдствіи, не имѣя никакой воинской команды, кромѣ градскихъ обыва-

телей и двухъ, устроенныхъ имъ пушекъ; но что онъ рѣшился защищаться до послѣдней капли крови.

Я совѣтовалъ г. воеводѣ тотчась потаенно нарочнаго къ Керинскому воеводѣ отправить и его увѣдомить, что полковникъ Древицъ съ гусарскимъ полкомъ, егерями и шестью пушками завтра вступить въ городъ, вамъ вѣренный и что немедленно двигнется съ симъ отрядомъ къ Керинску; что г. воевода тотчась и исполнилъ. Онъ объявилъ мнѣ также, что къ нему въ городъ съѣхалось до 300 мужеска и женска пола дворянъ, и что мужчины, съ преданными имъ дворовыми людьми намѣреваются устроить изъ себя конницу; но поджидаютъ сюда отставнаго генераль-майора Левашева, котораго и выбрали своимъ командинромъ.

Междуд прочимъ, какъ самъ г. Лопатинъ, такъ и множество собравшихся къ нему дворянъ, по узнаніи о моемъ приѣздѣ въ городъ и отводѣ въ ономъ квартирѣ, рассказывали и увѣряли меня, что съ недѣлю тому, не болѣе, какъ верстъ за 15 отъ города, въ селѣ Сасовѣ, въ торговый день вѣхалъ въ оное какой-то казачій генераль, въ голубой лентѣ, съ тринадцатью человѣками казаковъ, которые кричали народу: «государь императоръ Петръ III изволитъ ѿхать!» Народъ бросился, кто къ нему, кто на колѣни и кричали «ура!» Но онъ съ своею командою тихо проѣхалъ чрезъ все селеніе и хотя множество народу за ними бѣжало, но казаки махали имъ руками, чтобъ возвратились къ торгу.

На другой день приѣзда моего въ Шацкъ, осмотрѣль я всѣ отведенныя квартиры, а часу въ 12-мъ пополуночи прискакалъ квартермейстръ эскадроновъ, для принятія оныхъ, а за нимъ, часа два спустя, вступилъ и самъ полковникъ Древицъ со своимъ отрядомъ.

По извѣстіямъ, что Керинскъ атакованъ бунтовщиками, расположалъ полковникъ Древицъ, съ 3-мъ эскадронами по полуночи выступить къ Керинску, а 4-й—съ комисіею оставить въ Шацкѣ; но часовъ въ 9 вечера прискакалъ отъ керинскаго воеводы Перскаго нарочный, что воевода разбилъ непріятеля, отогналъ онаго отъ города, разсыпалъ и взялъ многихъ въ полонъ.

Рассказалъ намъ нарочный, какимъ образомъ освободилъ городъ отъ бунтовщиковъ благоразумный онаго воевода:

«Видя онъ, воевода, свою и всего города неизбѣжную гибель, вымыслилъ (употребить послѣднее средство избавиться отъ бунтовщиковъ: тайно собралъ всякаго рода сабли, пистолеты, ружья, копья, коихъ въ городѣ довольно находилось число у жителей для обороны во время нападенія, какъ своихъ такъ и у другихъ выбралъ лучшихъ лошадей и) находящихся подъ его присмотромъ 30 человѣкъ плѣнныхъ турокъ (тайно ночью) уговорилъ, чтобы они согласились вооружиться, коихъ и снабдилъ саблями, пистолетами, пиками и лошадьми, къ которымъ присовокупилъ до 100 человѣкъ (отважнѣйшихъ) жителей, нарядивъ оныхъ кое-какъ въ турецкое одѣяніе (чтобы они съ турками передъ самою зарею вдругъ изъ города сдѣлали вылазку на первое то мѣсто, гдѣ болѣе скоплено бунтовщиковъ), а сверхъ того собралъ съ пиками городскихъ обывателей и дворовыхъ людей человѣкъ до 200 съ 2 пушками пѣшихъ; передъ свѣтомъ выступилъ самъ съ товарищемъ изъ города и напалъ на тaborъ бунтовщиковъ; атаковалъ ихъ вдругъ съ одной стороны конными турками, а съ другой—пѣхотою съ пушками, и сею атакою въ такой привель спящихъ беззаботно во всемъ тaborѣ бунтовщиковъ страхъ, что какъ скоро услышали пушечные выстрѣлы и крикъ турковъ, то брося лошадей и весь свой лагерь, всякий бѣжалъ кто куда могъ *), а конные турки, гнавъ бѣжавшихъ, рубили, кололи и брали въ полонъ». Такимъ благоразумнымъ вымысломъ разбивъ воевода керинскій сволочь бунтовщиковъ (и къ свѣту около онаго не было ни одного человѣка), добивался отъ плѣнныхъ узнать, кто командовалъ оными, но никакъ не

*) Это же разсказано въ черновой рукописи въ слѣдующемъ варианте:

«... Уговорилъ на сіе дѣло турокъ и прочихъ жителей верхами напасть на бунтовщиковъ, уѣтривъ въ томъ турокъ, что если поможетъ ему Богъ разбить непріятеля, то они, турки, будутъ изъ полону выпущены. По согласію на его распоряженія турокъ и 60 человѣкъ разнаго званія людей, поставилъ ихъ тайно ночью у воротъ вала и за часъ до свѣта явился къ нимъ самъ верхомъ, приказавъ своему товарищу съ собранными прочими городскими до 300 человѣкъ, вооруженныхъ копьями и косами, чтобы тотчасъ какъ онъ изъ воротъ съ конными бросится на бунтовщиковъ спящихъ, то чтобы выступила и пѣхота и кричали по-турецки алла, и что имъ попадется на встрѣчу кололи и косами посыкали. Такимъ устроеннымъ образомъ напалъ онъ на бунтовщиковъ и привель ихъ въ ужасный страхъ, побилъ многихъ, а прочие всѣ разбѣжались, оставя при своихъ шашахъ и всякаго рода шатрахъ лошадей, оружіе и прочее, чтѣ при себѣ имѣли, бѣжали невѣдомо куда», и т. д.

могъ отъ нихъ о томъ узнать; но вообще по слухамъ предполагали, что въ семь (возмущенномъ) краю было разсѣяно отъ Пугачева нѣкоторое число яицкихъ казаковъ.

За таковыи геройской и благоизбрѣтеннай подвигъ государыни императрица пожаловать соизволила керинскому воеводѣ 5000 руб., а прочимъ, въ семь дѣлѣ находившимся чиновникамъ, сдѣлано также денежное награжденіе, а туркамъ каждому выдано 100 руб., освобождены они всѣ изъ плѣну и до границы сопровождены на казенный счетъ.

На другой день полученнаго извѣстія о пораженіи бунтовщиковъ подъ Керинскомъ, предъ самою зарею, когда приготовлялись трубить онуу предъ квартирю полковника Древица, прискакалъ курьеръ отъ корпуснаго командира, подполковника Михельсона съ рапортомъ графу Петру И. Панину. Курьеръ сей пробирался по проселочнымъ дорогамъ, провѣдалъ не въ дальнемъ разстояніи отъ Шацка, что будто графъ находится въ семь городѣ; но когда ему объявлено было, что графъ въ Москвѣ, то просилъ приказать дать ему немедленно лошадей. Показавъ сему курьеру предписаніе, данное отъ графа комиссіи, что если встрѣтится съ нею какой курьеръ отъ военнаго или гражданскаго начальства къ нему посланный съ донесеніями, то у каждого такого курьера можетъ комиссія вытребовать оныя и распечатать, а потомъ вновь запечатавъ, съ симъ курьеромъ донести, что точно комиссию донесеніи къ нему распечатаны и прочты были. Комиссія, узнавъ изъ рапорта подполковника Михельсона, что онъ преслѣдуется Пугачева, который впереди его верстѣ за 80 (въ чернов. рукоп. 150) со своимъ войскомъ стремится къ Саратову, послѣдно преслѣдуется онаго со своимъ корпусомъ (и приближается съ корпусомъ къ старинной крѣпости Петровской), о чемъ и доносить графу.

По узнаніи о томъ и по запечатаніи рапортовъ, комиссія донесла съ симъ же курьеромъ какъ о распечатованіи рапорта, такъ и о томъ, что комиссія, вытребовавъ у полковника Древида 12 человѣкъ гусаръ съ поручикомъ Дирихомъ и 6-ю человѣками гвардіи преображенскаго полка grenaderъ (и съ Остафіемъ Трифоновымъ) отправиться сю-жъ ночь на большой Саратовскій трактъ въ городъ Арзамасъ (нагонять корпусъ подполковника Михельсона).

По приготовлениі подводъ, комиссія въ сію-жъ ночь отправилась въ городъ Арзамасъ, въ который прибыли часовъ въ десять пополудни.

Найдя здѣсь воеводу, старика Синявина, и весь городъ въ страхѣ и уныніи, узнали мы отъ воеводы, что пугачевская партія третьаго дни разграбила Апочинскій конногвардейскій заводъ, въ 100 верстахъ отъ города отстоящій; но куда партія сія отъ онаго направила свой путь, о томъ они не имѣютъ еще свѣдѣнія. Совѣтовалъ г. воевода до полученія о томъ извѣстія остататься комиссіи въ городѣ; но (подавъ нѣкоторое наставленіе воеводѣ и прочимъ) комиссія не разсудила остататься здѣсь, а требовала, какъ возможно скорѣе, дать подъ оную подводы, кои, часа черезъ два, были собраны. Отправясь изъ Арзамаса на зарѣ, прибыли благополучно въ Опочинскъ, часовъ въ 8 вечера; нашли здѣсь конногвардій ротмистра Павлова, которому порученъ былъ въ присмотръ заводъ, у дома коего съ копьями находилось до 200 заводскихъ крестьянъ и при нихъ нѣсколько вооруженныхъ рейтаръ.

Г. ротмистру объявили мы, чтобы онъ приказалъ, какъ можно приготовить подъ команду комиссіи подводы поспѣшнѣе. А между тѣмъ рассказалъ намъ г. ротмистръ, что четвертаго дня партія, въ числѣ ста человѣкъ казаковъ, напала на село и заводъ, и что онъ съ 6-ю человѣками рейтаръ, съ казною, за часъ только нашествія оной могъ выбраться и скрыться верстъ за 12 отсюда, въ лѣсу, гдѣ пробывъ двое сутокъ, возвратился опять къ своему мѣсту вчерашняго дна, собралъ кое-какъ до 200 крестьянъ для охраненія завода, съ которого непріятель увелъ 60 лучшихъ лошадей (но не могъ вскорости причинить многаго разоренія заводу и селенію) ибо подполковникъ Муфель съ батальономъ приближался къ заводу и, не остановясь здѣсь, преслѣдуje непріятеля по тракту къ городу Саранску.

По заготовлениі подводъ немедленно отправилась комиссія въ путь къ Саранску, куда прибыли, по нескорому ночью заготовленію подводъ, уже на другой день, передъ полуднемъ. По приѣздѣ комиссіи въ сей городъ, остановились на площади совершенно опустошенного города, на которой нашли однакожъ человѣкъ до 50, кое-какую мелочь и нѣсколько разнаго припаса продающихъ. Явился немедленно новый воевода, отъ Пугачева

определенный, подпоручикъ статной команды (безъ лѣвой руки), въ пестрядюномъ полушибкѣ, опоясанной портупею со шпажен-кою, который и рапортовалъ, что въ городѣ состоится благопо-лучно и объявилъ, что бывшій воевода убитъ и что ему препо-рученъ городъ.

Галаховъ и я отогнали отъ себя сего негодая, приказавъ ему не называться воеводою; послали тотчасъ гусаръ искать под-водъ въ ближнихъ селеніяхъ и выгонять въ городъ. Около трехъ часовъ дожидались подводъ, въ которое время человѣкъ съ де-сять изъ купечества и мѣщанъ рассказывали намъ, что: «Пу-гачевъ двое сутокъ стоялъ въ городѣ со всею своею арміею и около онаго и что въ сіи два дни грабили городъ, убили вое-воду и человѣкъ четырехъ дворянъ, неуспѣвшихъ съ воеводою уѣхать изъ города» *). Разсказали намъ также, что за варвар-ство сдѣлалъ съ одною старушкою дворянкою Пугачевъ, при выѣздѣ изъ ея дома.

Дворянка сія оставалась въ городѣ, имя которой у меня за-писано, но, по разборѣ чрезъ 46 лѣтъ моихъ бумагъ, не могъ отыскать сію записочку, но въ памяти моей не забыть поступка, съ нею привлючившагося, ибо при разговорахъ иногда разска-зывалъ я оный моимъ знакомцамъ.

Дворянка сія старушка была богата и чрезмѣрно скуча; хра-нила у себя всегда болѣе 100 т. рублей золотой и серебряной монеты (кои соблюдала она паче души своей), о чемъ извѣстно было всѣмъ, въ городѣ живущимъ; но она всегда съ клятвою отзывалась, что у нея никакихъ денегъ нѣтъ; вышла на встрѣчу Пугачеву съ хлѣбомъ и солью и упросила (удостоить ея домъ своимъ посѣщеніемъ и вѣхатъ къ ней) остановиться въ ея домѣ.

Пугачевъ милостиво принялъ безбожной старухи сей при-глашеніе и остановился со всѣмъ своимъ штатомъ у нея въ до-мѣ, гдѣ и былъ угощаемъ (по старому обычаю банею и всѣмъ удовольствіемъ). Проводивъ у нея ночь и поблагодаривъ старуш-ку за ея доброе угощеніе, сѣль на своего коня, а старушка въ радости своей пошла проводить своего благодѣтельного гостя за ворота (и только что въ средину воротъ вошла, то и поднята

*) Здѣсь Пугачевыи повѣшены воевода и многие какъ изъ дворянъ, такъ и прочихъ состояній измучены страдальческою смертію, а другіе живущіе бѣ-жали, кто гдѣ могъ укрыться.

Черн. рук. Руи.

веревкою въ верхъ и повѣшенная кончила всѣ радости своей жизни, а домъ) и всѣ сокровища ея достались въ наслѣдство благодѣтелю ея, Емельяну.

Поступокъ помѣщичьихъ крестьянъ: въ уѣздахъ Саранскомъ и Пензенскомъ, въ коихъ въ прошедшія времена весьма мало имѣлось казенныхъ селеній, но всѣ состояли въ помѣщичьемъ владѣніи, почему въ бунтъ Пугачевскій много въ оныхъ пострадало дворянъ. Въ сіе несчастное время приѣхавшій изъ Москвы въ свои деревни бригадиръ Александръ Вас. Солтыковъ, находясь въ устроенному своемъ селѣ, узнавъ, что Пугачевъ съ войскомъ своимъ вступилъ въ городъ Саранскъ, вздумалъ себя спасти и уѣхать въ какое-нибудь тайное мѣсто и скрыться въ ономъ, для сего и лошади были уже приготовлены; но мужики, крестьяне его, узнавъ о томъ, схватили его и связавъ, посадили въ телѣгу и съ нѣсколькими верховыми повезли его стороною по Саранскому тракту, чтобы предать его въ руки Пугачеву. Но святое Прорицаніе спасло его; ибо крестьяне съ связаннымъ своимъ господиномъ, вместо Пугачева, встрѣтились съ батальономъ подполковника Муфеля, который освободилъ Солтыкова; а крестьянъ забравъ и пришедъ въ село, какъ сихъ, такъ и прочихъ участниковъ, строжайше наказалъ.

Выѣхавъ изъ Опочинокъ уже ночью, не могли мы видѣть, что партія, бывшая въ Опочинкахъ, по тракту къ Саранску, многія грабила селенія, но съ свѣтомъ вдругъ открылась предъ глазами нашими картина ужаса, разоренія и опустошенія селеній; ибо (пугачевская армія все, что на пути своемъ ни встрѣчала, видѣла и обнять могла, убивала, грабила и расхищала подобно саранчѣ; селенія по тракту нашему были пусты и) въ оныхъ не находили мы ничего болѣе, кроме престарѣлыхъ людей мужеска и женска пола, а прочие всѣ, кто только могъ сѣсть на коня и идти добрыми шагами пѣшкомъ, съ косами, пиками и всякаго рода дубинками, присоединились къ пугачевской арміи, къ которой партія со 100 человѣками казаковъ отряжена была въ Опочинки—также съ оною соединилась на Саранскомъ трактѣ. (Тучные и изобильныя поля сего края съ готовымъ колосомъ оставались безъ трудолюбиваго жателя въ самое время жатвы; всякаго рода скотъ безъ пастыря скитался по изобильнымъ пашнямъ днемъ и ночью, тощалъ оныя, рыль хлѣбъ и

довершалъ тѣмъ гибель и бѣдственность поселянина; невѣроятное множество скитающихся лошадей, измученныхъ въ кровавыхъ ранахъ и брошенныхъ какъ отъ войска пугачевскаго, такъ и преслѣдующаго за нимъ корпуса, усыпалъ дорогу и пашни). Но сколь ни велико было разореніе и опустошеніе селеній, представившіяся отъ Опочинокъ до Саранска, но что ужъ представилось взору нашему отъ сего города по тракту къ Пензѣ, Петровску и до самаго Саратова, то о томъ ни сердце мое, ни перо не въ силахъ объяснить! Ни въ одномъ селеніи по тракту нашему до (самой Царицинской крѣпости) саратовскихъ колонистовъ, поселенныхъ на нагорной сторонѣ Волги, не могли мы иначе находить подводъ и лошадей въ опустошенныхъ селеніяхъ, какъ принуждены были послыкатъ гусарь загонять табуны лошадей въ селеніе, гдѣ ужъ ловили сихъ лошадей и запрягали въ подводы, на которыхъ сажали управлять оними такихъ стариковъ, кои имѣли еще силы владѣть кое-какъ лошадьми съ помощью гусарь и гвардейскихъ солдатъ.

Достигнувъ кое-какъ до города Пензы, который также какъ и Саранскъ былъ разоренъ, а бывшій въ оной воевода Андрей Все воложскій съ нѣкоторыми дворянами и чиновниками преданъ смерти, здѣсь, въ городѣ, нашли мы предводителя дворянскаго Ефима Петр. Чемезова съ уланскою командою изъ дворянскихъ дворовыхъ людей собранную и одѣтую въ голубой мундиръ, при которой находилось два чиновника — поручикъ Александръ Федо. Ермоловъ и лейбъ-гвардія сержантъ Иванъ Ива. Репинъ, который нынѣ присутствуетъ въ правительствующемъ сенатѣ. (Съ сими уланами, какъ г. Чемезовъ объяснилъ намъ, онъ воевалъ противъ бунтовщиковъ волости Головинщиною называемыхъ, помѣщицы Марыи Іонишины Головиной и прочими).

Господинъ дворянства предводитель и предводитель уланской команды, по требованію комиссіи, скоро снабдилъ оную подводами и, не мѣшкавъ здѣсь, комиссія отправилась въ станицу Петровскую крѣпость, во имя Петра Великаго построенну и укрѣпленную рубленою деревяною стѣною съ башнями. Здѣсь нашли мы воеводою и комендантю одного подъячаго, при воеводской канцеляріи находившагося, который извѣстилъ насъ, что онъ, по болѣзни, оставался одинъ въ городѣ и

что воевода съ прочими, дни за два Пугачевскаго вступленія въ оній, скрылись въ степь и гдѣ находятся, не знаетъ. Сей же подьячій увѣдомилъ нась, что Пугачевъ съ арміею, не останавливалась въ крѣпости, дней тому съ семь, пошель прямо къ Саратову, а дни два спустя за нимъ прошелъ Михельсонъ съ своимъ корпусомъ. Собравъ кое-какъ, съ помощью гусаръ, и здѣсь подводы, комиссія отправилась также въ Саратовъ, куда и прибыла на другой день уже утромъ.

Вѣхавъ въ городъ, по Московской улицѣ, на площадь, увидѣли на оной человѣкъ до полутораста торгующихъ различными припасами; распрашивали: есть ли въ городѣ какой-нибудь начальникъ? но намъ отвѣчали, что ни одного не находится и что видимый нами народъ не болѣе какъ дней за пять сюда только-что собрался.

. Коммиссія разсудивъ остановиться въ семъ городѣ часовъ на шесть какъ для отдыха, такъ и для снабденія хлѣбомъ, (изъ нихъ человѣкъ до 10 съ гусарами), послала приготовлять подводы; а между тѣмъ расположилась комиссія съ командою у шалашей, на площади находящихся, куда пришло человѣкъ до двадцати старишковъ, кои и рассказывали о всѣхъ бѣдствіяхъ, Пугачевымъ городу причиненныхъ; увѣдомили нась, что вся артиллерійская, инженерная и гарнизонная, да нѣсколько сотъ человѣкъ команды, съ 24-мя пушками и со всѣмъ снарядомъ передалась Пугачеву и что артиллеристы, связавъ начальника своего, подполковника князя Баратаева, также съ нимъ какого-то профессора, нѣмца, присланного изъ Петербурга для соединенія каналомъ Волги съ Дономъ, выдали въ руки Пугачеву и что комendantъ, полковникъ Бощнякъ съ поручикомъ артиллеріи Ельчиннымъ, гарнизоннымъ подпоручикомъ Хоботовымъ, преданными къ нимъ нѣкоторымъ числомъ солдатъ и до 50 человѣкъ гражданъ, въ самое почти вступленіе въ городъ непріятеля, кое-какъ успѣли выбраться на берегъ Волги и сѣсть въ четыре суда, пустились въ низъ оной и гдѣ тѣперь находятся, неизвѣстно *).

*) Пугачевъ занялъ Саранскъ — 27 іюля, выступилъ изъ него — 30 іюля; взялъ Пензу, и 4 августа былъ въ Петровскѣ; 6 августа подступилъ къ Саратову, 9-го числа выступилъ уже изъ него; 11 августа прибылъ въ Саратовъ Муфель, а 14 — Михельсонъ. Нѣмецъ-профессоръ, упоминаемый Руничемъ, былъ едавали ни астрономъ — Ловицъ.

Ред.

Когда подводы были готовы, то и мы пустились въ свой путь.

Отъѣхавъ до 15 верстъ отъ Саратова, увидѣли мы двѣ новыя могилы у самой дороги и спросили у возчиковъ, что это за могилы? они намъ отвѣчали, что въ оныхъ зарыты тѣла убитыхъ на семъ мѣстѣ, артиллеріи подполковника князя Барататева и нѣмца, преданныхъ артиллеристами въ руки Пугачеву.

Вышедъ изъ повозокъ, поклонились мы покоющимся въ нѣдрахъ персти земной, гдѣ не бываетъ ужъ печали и воздыханія, продолжали путь и приѣхали въ первую отъ Саратова поселенную колонію лютеранскаго исповѣданія, гдѣ нашли мы до 70-ти человѣкъ по близости кирхи (на пространствѣ саженей 30 отъ кирхи) спросили старосту, который ту минуту явился къ намъ и просилъ ѿхать къ дому, стоящему противъ самой кирхи (всѣ стоявшіе люди пошли за нами), а самъ пошелъ во дворъ; но менѣе двухъ минутъ вышелъ къ намъ съ пасторомъ, пристойнѣйшимъ образомъ одѣтымъ, который просилъ насть войти къ нему въ домъ.

Сказавъ сему почтенному священнику, что намъ надобны подводы, онъ отвѣчалъ, что онъ будуть вскорости приготовлены; приказалъ о томъ старостѣ тотчасъ оныя готовить, а самъ съ нами пошелъ въ свой домъ, въ которомъ увидѣли мы трудолюбивую чистоту, порядокъ и опрятность. Достопочтенный сей священникъ угостилъ насть кофiemъ и не роскошнымъ, но вкуснымъ и чистымъ завтракомъ, за что чувствительно его возблагодаривъ, приготовили-было ему пристойный сану его подарокъ; но какъ только сей благовоспитанный, честный и исполненный духомъ любви христіанской, благороднаго сердца и ума служитель Бога истиннаго, превѣчнаго, примѣтилъ, что мы желали его подарить, то со слезами, покорною вротостію упрашивалъ насть не ослѣплять его очи никакими подарками, но употребить то, что ему предназначили, бѣдной братіи, коихъ мы вѣрно по тракту нашему встрѣчали и впредь, по пути нашему, встрѣтимъ. По отрицаніи его, мы убѣдительно начали его упрашивать, чтобы онъ принялъ отъ насть ему назначеннное и отъ себя роздаль бѣднымъ, ибо мы, по скорой нашей Ѵздѣ, не можемъ иногда и подать по-

мощь бѣднымъ; но онъ, со всею скромностю, отвѣчалъ намъ, что онъ никакъ препоручаемы ему для раздачи деньги не можетъ принять, съ пріятною улыбкою сказалъ намъ, что «еслибы мы и на быстрыхъ крыльяхъ вѣтра летѣли, то успѣемъ на нищету и бѣдность посмотретьъ свѣтлыми очами доброго сердца».

Сей достопочтенный священникъ рассказалъ намъ, что дней тому шесть, какъ Пугачевъ съ арміею своею прошелъ мимо ихъ селенія, приславъ, часовъ за 5, пять казацкихъ въ оное офицеровъ съ повелѣніемъ къ старостѣ, чтобы изъ жителей никто изъ селенія не выходилъ дотолѣ, доколѣ онъ со своею арміею не удалится изъ виду отъ селенія нашего, дабы не могъ кто-нибудь потерпѣть отъ его войска обиды и несчастія, что точно и исполнено было; рассказалъ также, что чрезъ два дни вступилъ въ колонію съ корпусомъ подполковникъ Михельсонъ, который не болѣе часовъ семи отдохнувъ, послѣдовалъ за Пугачевымъ.

Какъ подводы уже были готовы, то мы и простились съ препочтеннымъ священникомъ; прибыли уже вечеромъ въ другую колонію католицкаго исповѣданія; остановились у дома патера, который тотчасъ послалъ за старостою и приказалъ ему немедленно выставить подводы.

Патера нашли огорченнымъ и унылымъ; онъ пересказалъ о причинѣ своего огорченія, уведомивъ насъ, что человѣкъ до тридцати молодыхъ людей ихъ колоніи, разумѣвшихъ россійской языке, разграбивъ его и нѣкоторыхъ зажиточныхъ жителей колоніи, ушли къ Пугачеву, забравъ самыхъ лучшихъ 50 лошадей, въ числѣ коихъ увѣли и его три лошади.

А какъ, между тѣмъ, подводы были уже готовы, то простясь съ огорченнымъ священникомъ, отправились въ свой путь.

Пославъ изъ сей колоніи впередъ двухъ гусаръ заготовлять подводы, ночью проѣхала комиссія два колонистскихъ селенія; прибыла часовъ въ 9 утра въ городъ Камышенку.

Здѣсь явился къ намъ начальникъ камышевскихъ казаковъ, который извѣстилъ насъ, что отъ Царицына третій день носится слухъ, якобы Пугачевъ разбитъ; почему онъ собравъ 300 человѣкъ надежнѣйшихъ казаковъ, съ однимъ чиновникомъ, переправивъ партію сю за Волгу, предписалъ начальнику оной, если встрѣтится съ бѣгущими изъ Пугачевской арміи, ловить оныхъ, а тѣхъ, кои не станутъ добровольно сдаваться—колоть;

приказалъ также до самой межи вольскихъ казаковъ согнать съ луговой стороны всѣ рыбачы лодки и людей.

Одобривъ всѣ его распоряженіи, приказали ему, какъ можно скорѣе, заготовить подъ коммиссію подводы, кои немедленно и пригнать; а, между прочимъ, узнали мы отъ казацкаго начальника о тиранствѣ, которое Пугачевъ совершилъ надъ комендантомъ Камышескимъ и что не было учинено отъ его войска городу никакого разоренія, кромѣ того, что до 20 подводъ взято разныхъ припасовъ.

По дошедшему здѣсь извѣстію, якобы разбить Пугачевъ, объясняясь съ Остафьемъ Трифоновымъ, положили команду нашу съ поручикомъ Дидрихомъ оставить въ Камышевѣ, а намъ троимъ съ двумя гренадерами, Дибулинымъ *) и Кузнецовымъ, отправиться изъ Царицинской крѣпости.—Немедленно пустились въ путь, пролегающій по прекраснѣйшимъ мѣстамъ, между рѣкъ Волги и Лавлы; приѣхали во 2-мъ часу пополудни въ 1-ю станницу Каменку (въ 35 верстахъ отъ Камышенки), вольскихъ казаковъ съ Дона по Волгѣ поселенныхъ.

Остановясь посреди пустой станицы, послали обоихъ гренадеръ искать по домамъ жителей, которыхъ они человѣкъ до 15 собравъ, привели; приказали идти имъ въ табуны и выбравъ южныхъ лошадей, какъ возможно скоро, оныхъ привести.

Въ ожиданіи оныхъ, сѣли мы трое, Галаховъ, я и Остафій Трифоновъ у анбара, стоящемъ на бугрѣ берега Волги.

Остафій Трифоновъ разсказывалъ намъ здѣсь о приходѣ своемъ изъ Курмыша въ Петербургъ и о прочихъ произшествіяхъ возмущенія на Яикѣ, что и продолжалось съ часъ времени; но лошадей все еще не приводили; начали мы, между тѣмъ, разсуждать, что если слухи о разбитіи Пугачева спра-ведливы, то куда съ остаткомъ своего войска направитъ свой побѣгъ.

Трифоновъ говорилъ, что «если Пугачевъ въ сраженіи убить или взять живой, то тѣмъ все дѣло окончится; но

*) Сему гренадеру Дибулину, по препорученіи въ Симбирскѣ Пугачева, приказано для Пугачева варить кушанья, кормить его, поить и прислуживать ему, за что пожалованъ въ сержанты и выпущенъ изъ гвардіи поручикомъ армейскимъ, а товарищъ его, Кузнецовъ, взять во двору въ гайдуки.

П. С. Руничъ.

если ни того, ни другого не случилось съ нимъ, то съ оставшимися яицкими молодцами не останется на нагорной сторонѣ, а переплыть съ ними на луговую сторону Волги, пустится по оной въ Астрахани, или побѣжитъ вверхъ, чтобъ пробраться въ Яику; но если не удастся ему сего исполнить, то обманеть своихъ яицкихъ сотоварищей, уйдеть одинъ и доберется опять до Малыковки, а оттуда въ Кержинскіе лѣса—а тамъ и прости!»

Только-что кончилъ Трифоновъ свою рѣчь, увидѣли мы Ѣдущихъ (вправо) съ низу Волги, 6 человѣкъ верхами прыткою рысью; привстали мы всѣ троє и увидѣли (вдали пыль и) другую партію болѣе 50 человѣкъ (а сажень за 20), за оною еще 24 человѣка, Ѣдущихъ въ двѣ шеренги, за коими, шагахъ въ 40, одного Ѣдущаго на статной соловой лошади, а за нимъ, шагахъ въ 30, еще 6 человѣкъ *).

Трифоновъ, увидя одного Ѣдущаго на соловомъ конѣ и за нимъ шестерыхъ, вдругъ съ торопливостью и прерывчивъ головомъ, какъ полотно побѣднѣвшъ въ лицѣ, сказалъ намъ: «это самъ Пугачевъ на своей любимой лошади (я вижу его и его лошадь соловую: вотъ, смотрите, за нимъ еще Ѣдутъ 24 человѣка), онъ всегда такъ маршируетъ въ походѣ; встанемте, сказалъ, и за анбаръ скроемся, чтобъ онъ насъ не увидѣлъ (какъ поравняется противъ насъ); ибо у него имѣется всегда зрителная трубка!»

Мы (ему отвѣчали: постой немного), послушавъ его, пошли всѣ троє за анбаръ и смотря изъ-за онаго, увидѣли еще 24 человѣка Ѣдущихъ, а за ними одну (ѡдущую тройкой) коляску и двѣ кибитки тройками, а за опою опять до 30 человѣкъ въ двѣ шеренги, а за сими, (по примѣчанію нашему), до 1500 человѣкъ доброконныхъ въ 5 отдѣленій, за коими до 70 лошадей навьюченныхъ, ведомыхъ пѣшими людьми, а за ними, въ полуверстѣ, послѣдняя партія человѣкъ до 400.

А какъ сія послѣдняя партія прошла, то мы вышли изъ-за

*) Въ черновой рукописи послѣднія строки изложены такъ: «и по побѣдѣ онаго, подвигавшихся противу станицы, ясно увидѣли мы, что та партія состоитъ изъ казаковъ; первые 6 человѣкъ и послѣдніе потянулись вверхъ по Волгѣ. Мы сѣли опять на свои мѣста и начали придумывать, что то за люди; но не долго о томъ разсуждали, ибо опять за полуверсты показалась пыль больше первой и мы увидѣли еще 6 человѣкъ, но не рысью, а тихо Ѣдущихъ.»

Черн. рук. Рун.

анбара и ставъ на прежнемъ мѣстѣ, смотрѣли какъ все сie воинское ополченіе тягнется въ верховье Волги.

Мнѣ что-то (по молодости моихъ воображеній) вдругъ вошло въ мысль сказать:

«Остафій Трифоновичъ, если, по примѣчанію вашему, точно кажется вамъ справедливымъ, что (это) Пугачевъ съ своею арміею бѣжитъ вверхъ Волги, то чего лучше, мы васъ отсюда и отпустимъ».

Онъ взглянулъ на меня съ ожесточеніемъ и съ сердцемъ спросилъ меня:

— Что вамъ хочется, чтобы меня и васъ со мною повѣсили?

Прервавъ о томъ рѣчъ, сѣли мы на прежнія свои мѣста и (смотрѣли и провожали глазами Ѣдущихъ и по ровности луговой степи увидѣли, что версты за двѣ вдругъ отъ первой партии поднялась большая пыль; но что то за происшествіе, не могли придумать, и) занявшиись кое-какими разговорами, дождались лошадей часа три, коихъ пригнали ужъ часу въ пятомъ пополудни.

По запряженіи лошадей, отправились въ путь и часовъ въ 10 вечера приѣхавъ на другую станцу, лежащую подъ горой на берегу Волги; оставя г. Галахова съ Трифоновымъ и двумя вощиками на горѣ, я съ двумя grenaderами сошедъ съ оной въ селеніе и увида въ одной избѣ огонь, подошли двое къ окнамъ, затвореннымъ ставнями, а третьяго, Кузнецова, послали къ воротамъ, чтобы онъ стучалъ въ оныя, а я съ Дибулинымъ начали стучать въ ставни и требовать лошадей; но услыша въ избѣ шумъ многихъ людей и потухшій съ оныхъ въ избѣ огонь, бросились къ воротамъ; увидѣли, что *) Кузнецовъ ухватилъ двухъ человѣкъ у калитки воротъ (закричалъ: «не бойтесь»), вошли всѣ троє съ сими двумя во дворъ и закричали бѣгающимъ по двору:

«Что и чего вы испугались, братцы? Не бойтесь, мы не злодви! — говорили имъ — ступайте съ нами въ избу и засвѣтите потушенный вами огонь и увидите, что мы за люди».

*) Въ черновой рукописи варіантъ: «ударили прикладомъ ружья въ ставень и закричали во всѣ три голоса: «отворяйте ворота и давайте лошадей». Вдругъ изъ избы бросился народъ, какъ можно было слышать, воинъ и человѣка три бросясь къ калиткѣ воротъ, отворили и повидимому хотѣли въ онуу уйти, но grenадерь» и проч.

Двухъ держимыхъ Кузнецовыхъ послали съ ласкою за-
жечь огонь, а сами съ прочими къ намъ прибѣжавшими вошли
въ избу, коихъ сочли до 30 человѣкъ, вооруженныхъ саблями и
пистолетами (увидѣвъ они двухъ великановъ оцѣнѣли. Успо-
коивъ ихъ), увидѣли одного старика лѣтъ 60 между ими, спро-
сили его:

«Отчего вы испугались, когда постучались мы въ ставни и
въ валиту?»

Старикъ, которого мы спрашивали о причинѣ ихъ испуга,
былъ сотникъ станицы. Онъ отвѣчалъ намъ: («Батюшка, ваше
высокородіе), страхъ на насть оттого напалъ, что вчерашнюю
ночь, точно въ сю пору, до 40 человѣкъ я и цѣхъ казаковъ
изъ арміи Пугачева (Богъ одинъ знаетъ какъ они перѣѣхали)
напали на насть въ сей станичной избѣ и грозили всѣхъ насть
перебить, а станицу зажечь и истребить, если въ скорости не
соберемъ барановъ, живности, крупу и муки (требовали, чтобы
тотчасъ собрали имъ весь печеный хлѣбъ, крупу просянныхъ и
живыхъ барановъ сколько можно; перевязали изъ насть 12 че-
ловѣкъ, оставили ихъ въ избѣ, и при нихъ 5 человѣкъ съ саб-
лями, пистолетами и копьями, а у меня съ шестью другими за-
вязали назадъ руки и повели по изbamъ, брали что только хотѣли). По требованію ихъ всю ночь до зари принуждены мы
были съ ними возиться и собирать то, чтобъ они требовали; а
между тѣмъ разграбили они дома; ибо жители узнавъ о ихъ на
станицу набѣгъ (всѣ отъ мала до велика) разбрѣжались, кто куда
могъ. Все собранное перетаскали они и мы на берегъ Волги,
гдѣ было десять большихъ рыбачихъ лодокъ; но откуда они
имъ достались, не могли мы узнать (наклали все въ оныя, ос-
тавя при нихъ своихъ 4-хъ человѣкъ, а прочие съ ними пошли
въ сю приказанную избу и связали въ ней связанныхъ, велѣли
намъ проводить себя до лодокъ; пришедъ къ онымъ взяли, ука-
зывая на двухъ съ собою; сѣвъ на лодки, пустились на ту сто-
рону, гдѣ увидѣли сіи двое до 2000 вооруженныхъ). На луговой
сторонѣ увидѣли мы все Пугачевское войско, по примѣру, тысячу
до пяти. Вотъ (ваше высокородіе), отчего мы испугались, услыша
стукъ: думали, что опять сіи гости къ намъ пожаловали!»

Сотникъ рассказалъ намъ, что Пугачевъ за 20 верстъ отъ
Дубовки разбилъ 22-ю команду подполковника Дица, который

съ нѣкоторыми офицерами убить въ сраженіи *) и что 9 пушекъ и солдаты всѣ взяты имъ въ полонъ и къ его арміи присоединены.

(Выслушавъ все разсказанное, приказалъ какъ можно скорѣе 9 лошадей привести, которыхъ черезъ полчаса и приведены).

По приготовленіи лошадей, пошли съ ними къ оставшимся (повозкамъ) нашимъ на горѣ и, по запряжкѣ оныхъ, отправились къ Дубовской атамана станицѣ (куда приѣхали часовъ въ 10 утра). Приѣхавъ въ Дубовскую станицу, въ 60 верстахъ отстоящей отъ Царицынской крѣпости, нашли въ ней атамана (всехъ казаковъ), который подтвердилъ намъ о разбитіи подполковника Дица, присовокупя къ тому, что при его 22-й командѣ находилось ирегулярнаго войска 2 полка донцовъ и 6000 калмыковъ, орды князей Дундоковыхъ; но что весь сей отрядъ не устоялъ противъ арміи Пугачева,—разбить имъ и разсѣянъ, а пѣхоту съ пушками взять Пугачевъ въ полонъ **).

Онъ также объявилъ намъ, что носится слухъ, что будто бы Пугачевъ разбить; но вѣрнаго о томъ извѣстія не имѣеть.

Мы ему дали знать, что на луговой сторонѣ, противъ станицы Каменки, видѣли мы конное войско, и, по догадкамъ, полагаемъ, что съ Пугачевымъ бѣгущее, по разбитіи, войско пробирается вверхъ Волги; дали ему также знать, что на послѣдней отсюда станицѣ 40 человѣкъ яицкихъ казаковъ третьяго дня ночью ограбили станицу и опять на 10-ти рыбачьихъ лодкахъ переплыли съ ограбленнымъ на луговую сторону, гдѣ и все войско видѣли станичные казаки; но онъ отвѣчалъ намъ, что ни о чёмъ не имѣеть извѣстія, ибо только 5-й день какъ возвратился изъ степи самъ въ разоренную станицу свою, которую до того Пугачевъ разорилъ.

Требовали отъ г. атамана, чтобы отправилъ 9 лошадей впередъ на половину дороги къ Царицину, чтобы по приѣздѣ нашли мы тамъ готовыя подводы, чтобъ имъ и исполнено.

Послѣ чего, часа черезъ два, отправимись въ путь и прибыли въ Царицинскую крѣпость въ 11 часовъ ночи.

*) Отецъ убитаго подполковника Дица, бывъ генераль-поручикомъ, присутствовалъ въ военной коллегіи.

П. С. Румичъ.

**) Маіоръ Дицъ убитъ 13-го августа. По извѣстію Пушкина, съ Дицомъ было пятьсотъ гарнизонныхъ солдатъ, тысяча донскихъ казаковъ и пять сотенъ калмыковъ, послѣдніе подъ начальствомъ князей Дондукова и Дербетева. 14 августа Пугачевъ занялъ Дубовку и двинулся къ Царицину.

Ред.

По приѣздѣ комиссіи въ сюю крѣпость, коменданть оной г. полковникъ Иванъ Ере. Цыплетовъ съ капитаномъ Фатьяновымъ явился къ намъ и удостовѣрилъ нась о разбитіи Михельсономъ, въ урочищѣ Сениковой Ватаги, Пугачева; но до статочнаго свѣдѣнія не имѣеть еще о сраженіи и послѣдствіяхъ онаго, ожидаетъ однакожъ каждую минуту получить полное о томъ извѣстіе.

Мы ему, съ своей стороны, объявили, что противъ станицы Каменки видѣли мы конное войско, тысячу до двухъ, одну коляску и двѣ кибитки съ выручными лошадьми и что товарищъ нашъ, указавъ на Остафія Трифонова, точно утверждаетъ, что то войско съ Пугачевымъ прошло мимо означенной станицы, что и подтвердилось на первой отъ Каменки станицѣ, о чмъ упомянуто выше; (но на сie коменданть сказалъ, что изъ крѣпости на луговой сторонѣ вчера и сегодня никакой партии не видно было).

VIII.

Дѣйствія Пугачева со времени выѣзда изъ его арміи въ С.-Петербургъ Остафія Трифонова.—Взятіе Саратова.—Походъ Пугачева чрезъ кѣмѣцкія золоніи.—Убіеніе коменданта въ Камышенкѣ.—Пораженіе Пугачевымъ подполковника Дица.—Грабежъ станицы Дубовки.—Осада Царицына.—Походъ вдоль Волги.—Разгромъ полчищъ Пугачева при Сениковой Ватагѣ.—Прибытие А. В. Суворова.

июль и августъ 1774 г.

(Прерваль я выше въ моихъ запискахъ о Пугачевскихъ дѣйствіяхъ отъ города Курмыша и преслѣдованій его Михельсономъ, чтобы обнаружить съ тѣмъ и поступки Остафія Трифонова, минимаго яицкаго казака.

(Отъ города Курмыша Пугачевъ съ войскомъ своимъ потянулся къ Алатырю, отъ онаго на Сарансъ, Пензу, Петровскъ, Саратовъ, Камышенку, станицу Дубовку и Царицынъ, оставляя за собою по всему сему краю, гдѣ протекалъ съ 50,000 сволочи, грабежъ, разоренія, ужасъ и смерть, и все то, что только имѣло название дворянина и чиновника было убиваемо. Но впрочемъ ничто не касалось рукою убийства, грабежа и разоренія до монастырей, храмовъ Божіихъ, священно и церковно-служителей, но всѣ онаго мѣста и лица остались невредимы, даже въ болотныхъ кирхи и костелы католицкіе.

(Пугачевъ, достигнувъ Саратова и зная, что Михельсонъ съ своимъ корпусомъ далеко отъ него назади, расположился на горѣ называемой Лысая, повелѣвающая Саратовыемъ, подъ оною состоящимъ, который отъ глубокой рѣтыни, пролегающей къ приѣзду въ него подъ горою Лысою до Волги, валомъ и батареями былъ къ оборонѣ укрѣпленъ; то какъ комендантъ онаго полковникъ Бошиякъ съ своимъ гарнизономъ, такъ и артиллеріи полковникъ князь Баратеевъ, командиръ артиллерійскаго депо и инженерной команды, надѣялись сами себя и городъ спасти отъ злодѣйскаго нападенія и будучи достаточно запасены артиллерійскими снарядами и всакимъ запасомъ, предположили защищаться до послѣднихъ силъ—располагаясь несумнѣнно, что наѣрное настигаютъ Пугачева войска подъ начальствомъ отряженаго за нимъ генерала; но надежда обманула ихъ своимъ обольщеніемъ.

(Пугачевъ, имѣя видно издавна злые духи въ семъ Волгою питаемомъ городѣ, стоя день другой на горѣ Лысой, не стрѣляя по городу, но со стороны укрѣпленія подходилъ партіями къ оному и безпрестанно съ крикомъ подходя къ самымъ укрѣпленіямъ, увѣрялъ и обольщалъ ласками солдатъ, что:

(«Точно государь императоръ Петръ III самъ присутствуетъ при войскѣ, къ которому весь Донъ идетъ въ подмогу, то за что намъ, христіанамъ, другъ друга губить и убивать», что, по видимости, было ужъ въ городѣ отъ сообщниковъ Пугачевскихъ между ними разсѣяно.

(Сіи нечестивые духи возмутили солдатъ, кои по два и по три сперва человѣка начали черезъ валъ перебѣгать и передаваться злодѣю; а затѣмъ всѣ гарнизонные, артиллерійскіе и инженерные солдаты, со всѣмъ снарядомъ и 24-мя пушками, схвативъ своего начальника князя Баратеева передали Пугачеву, который послѣ сего немедленно вступилъ въ городъ *) и дозволилъ онай грабить и опустошать.

(Ужасъ и смерть разлились по городу, всякой бѣжалъ кто

*) Въ сіе несчастное время въ Саратовѣ находился профессоръ гидравлики, выписанный императрицею для соединенія Волги съ Дономъ каналомъ посредствомъ рѣки Лавы; онъ попался въ руки злодѣя, который его и князя Баратеева, за 20 верстъ отойдя отъ Саратова, измучивъ тирански, предалъ обоихъ смерти.
П. С. Рундѣ.

куда могъ. Артиллеріи поручикъ Ельчинъ и подпоручикъ Хоботовъ въ минованіе всеобщаго смятенія и ужаса собрали до 50 человѣкъ солдатъ, бросились съ ними къ коменданту, пробиваясь штыками и найдя его, вмѣстѣ съ нимъ пробрались до Волги къ стоящимъ судамъ и вобразившись въ оныя, пустились внизъ по Волгѣ, а за ними еще три судна всякаго званія жителей съ имуществомъ и припасомъ, что только могли унести съ собою.

(Отъ Саратова Пугачевъ слѣдовалъ съ своимъ войскомъ чрезъ селенія колонистовъ, но проходя оныя ни малѣйшихъ не дѣлалъ имъ притѣсненій и разоренія.

(Далѣе шелъ онъ къ Камышенкѣ.

(Войдя въ городъ, захватилъ коменданта, котораго тирански умертвить велѣль, о коемъ упомянуто въ предъувѣдомленіи. Но обывателямъ казакамъ камышенскимъ не дѣлано также никакого грабежа и обидъ; но снабдясь припасами и нѣкоторымъ числомъ лошадей, продолжалъ свой маршъ по волскимъ селеніямъ до станицы Дубовки.

(Верстъ за 30 до оной встрѣтась съ 22-ю полевою командою, состоящею подъ начальствомъ подполковника Дица, имѣвшаго при оной два донскихъ полка и 6000 человѣкъ калмыкъ, орды князей Дундоковыхъ, остановилъ, разбилъ и разсѣялъ донцовъ и калмыкъ. Въ семъ сраженіи убить подполковникъ Дицъ и почти всѣ его офицеры и сильно израненъ походный полковникъ Донского полка Агѣевъ, который между убитыхъ остался на мѣстѣ; солдаты и 9 орудій достались побѣдителю и присоединены къ артиллеріи онаго. Отъ мѣста сраженія двинулся Пугачевъ со всѣмъ своимъ войскомъ къ главной станицѣ Дубовкѣ, въ 60 верстахъ отъ Царицынской крѣпости отстоящей, въ второй не найдя атамана и судей, кои съ многими казаками скрылись въ степь и куда могъ уѣхать, все что можно было въ оной найти разграблено, и снабдясь провіантомъ и прочимъ запасомъ достаточно, направилъ прямо свой маршъ къ Царицинской крѣпости. Подошедъ къ ней, тотчасъ обложилъ оную; учредивъ батареи, началъ по крѣпости стрѣлять. Но храбрый коменданть, полковникъ Цыплетовъ, имѣвшій повидимому понятіе о воинскомъ искусствѣ и наукѣ, рѣшился изъ форштата перевести жителей въ крѣпость, а чтобы оными не затѣснить внутри

крѣпость, то помѣстилъ нѣкоторое число на суда, стоящіе на Волгѣ, а другихъ по берегу Волги подъ крѣпостью, приказавъ весь фортатъ выжечь, чѣмъ совершенно и спасъ крѣпость; ибо хотя Пугачевъ, подойдя въ крѣпости, обложилъ оную и устроилъ батареи два дни непрестанно производилъ стрѣльбу, но подойти къ крѣпости не осмѣливался, поелику крѣпостная ординарная артиллериа сильно дѣйствовала на его батареи; но какъ не могъ онъ, Пугачевъ, долгое время удерживаться при Царицынѣ крѣпости, имѣя повидимому извѣстіе, что Михельсонъ съ своимъ корпусомъ выступилъ изъ станицы Дубовки, то въ ночь на третій день послѣдніо отступилъ отъ крѣпости *), потянулся со всею своею арміею и съ 50-ю пушками по Астраханской дорогѣ внизъ Волги, прошелъ населенную колонистами Сарепту и не удерживаясь у оной, быстро спѣшилъ въ урочище, именуемому Сенниковою Батагою; (а чтобы не отставали въ скромъ маршъ люди его арміи и чтобы не разбѣгались изъ оной, то самъ Пугачевъ съ начальниками яицкихъ казаковъ: Овчинниковымъ, Перфильевымъ, Коноваловымъ, Федуловымъ и прочими лучшими удальцами оставался въ аріергардѣ своей арміи, а Чумакову и Творогову велѣлъ съ войсками, артиллерией и обозомъ идти впереди. Приказалъ Чумакову, который былъ главнымъ надъ артиллерию, занять выгодный лагерь и разставить батареи такимъ порядкомъ, чтобы могли съ оныхъ дѣйствовать перекрестными выстрѣлами).

На другой день отступленія Пугачева отъ крѣпости, какъ рассказывалъ г. комендантъ, пришелъ Михельсонъ съ корпусомъ, состоящимъ изъ 4 батальоновъ мушкетеръ и гренадеръ; симъ пѣхотнымъ отрядомъ командовали: 1-мъ батальономъ подполковникъ Ферзинъ **), 2-мъ — подполковникъ Муфель, 3-мъ — (преміеръ-майоръ) подполковникъ Михельсонъ, однофамилецъ корпуснаго командира, а 4-мъ кто командовалъ, не могъ онъ объявить, также кто былъ командиръ 20 орудій канонерскаго полка. При семъ корпусѣ находились карабинерный полкъ подполковника Пе. А. м. Шепелева, 1-й гусарскій полкъ и чугуевскій казачій полкъ, коимъ командовалъ преміеръ-майоръ

*) Осада Пугачевымъ Царицына продолжалась 21 и 22 августа. Ред.

**) Побѣдитель Костюшки, польского героя. П. С. Румянцевъ.

Харинъ, достаточное число орудій, канонеровъ и, какъ могу упомнить, 3 донскихъ казачьихъ полка.

Михельсонъ подъ Царицынскою крѣпостью простоявъ для отдыха одни только сутки, пустился преслѣдоватъ Пугачева, по стопамъ коего отъ самой Казани съ симъ вѣреннымъ ему корпусомъ нагонялъ.

Утромъ, въ 10 часовъ, на другой день приѣзда нашего, храбрый, благоразумный и превосходный г. коменданть Цыплетовъ, пришедъ къ намъ, извѣстилъ насъ, что онъ получилъ нарочного отъ корпуснаго начальника Ивана Ива. Михельсона полное увѣдомленіе, что онъ, на зарѣ, 24-го числа, атаковалъ лагерь Пугачева, на Сенниковой Ватагѣ расположенный, и что сраженіе продолжалось болѣе 4 часовъ; но, съ помощью Божией, совершенно разбилъ непріятеля и получилъ въ добычу до 50 пушекъ съ снарядомъ, около 600 подводъ съ припасами и всякимъ имуществомъ, въ плѣнъ взято до 23 т. человѣкъ, которыхъ и велѣль, въ двухъ партіяхъ, Чугуевскому полуку сопроводить къ нему, коменданту; кои, при нашемъ бытіи, и приведены. (Въ сраженіи при Сенниковой Ватагѣ убитъ изъ первыхъ злодѣевъ яицкихъ, начальникъ и совѣтникъ Пугачева хромоногій Овчинниковъ и много другихъ удальцовъ; но Пугачевъ съ первою своею женою и сыномъ Троицкою, лѣтъ двѣнадцати, съ Перфильевымъ, Коноваловымъ, на сестрѣ коего женился на Яикѣ, — и съ коимъ Пугачевъ повседневно переодѣвался потому, чтобы никто не могъ узнавать настоящаго Пугачева, — съ Чумаковымъ, Твороговымъ и Федуловымъ, начальниками войска и до 1700 человѣками добровольныхъ наѣздниковъ, перебрался за Волгу на луговую сторону съ одною коляской, оставя на мѣстѣ сраженія около 50 пушекъ со всѣми снарядами и до 3 т. подводъ, какъ съ своимъ, такъ и товарищемъ своихъ имуществомъ, комиссаріатомъ и множествомъ всякаго запаса, что все досталось въ руки побѣдителя. Плѣнныхъ взято болѣе 23 т. человѣкъ разнаго званія, кои отъ Михельсона, въ двухъ партіяхъ, въ Царицынъ присланы; но сколько съ обѣихъ сторонъ убито и ранено, о томъ, по не долгу моему съ комиссіей въ Царицынъ пребыванію, не имѣть я времени узнать; не старался и любопытствовать.)

На другой день полученнаго нами отъ г. коменданта извѣстія

о пораженіи пугачевскомъ, неожиданно прискакалъ въ Царицынъ, въ двухъ телѣжкахъ, г. генераль-поручикъ, Александровскій кавалеръ Сурововъ, съ своимъ адъютантомъ Максимовичемъ и однимъ слугою, природою пруссакомъ; а на другой день его приѣзда явился въ Царицынъ и самъ побѣдитель Пугачева—полковникъ Михельсонъ, который, переправя на луговую сторону Волги, для преслѣдованія Пугачева, свой корпусъ, ожидать хотѣлъ, какъ онъ приближится (въ селенію Ахтубѣ, лежащему почти) противу Царицына, переправиться быть намѣренъ въ оному. Но узнавъ по приѣздѣ своемъ въ Царицынъ, что корпусомъ симъ командовать присланъ генераль-поручикъ Сурововъ, сдалъ онъ его превосходительству и проживъ два дни въ крѣпости сей, отѣхалъ въ его сіятельству графу Петру Ивановичу Панину.

П. С. Румичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТЧЕТЫ ЛАГАРПА ГР. Н. И. САЛТЫКОВУ О ВОСПИТАНИИ В. К. АЛЕКСАНДРА И КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧЕЙ.

(декабрь 1790 г. *).

Математика. 1) Необходимо будетъ для в. князей повторить курсъ геометріи; но вместо того, чтобы имъ развивать опредѣленія и доказательства, надо будетъ требовать, чтобы они справлялись съ ними одни. Послѣ этого, мы вернемся къ начертательной геометріи и решивъ разныя изъ нихъ задачи, перейдемъ къ сферической тригонометріи.

2) Въ тоже самое время ихъ и. высочества должны будутъ продолжать уроки алгебры, съ того самого мѣста, на которомъ они были прерваны. Начальные правила алгебры знаменитаго Эльслера, доводящія очень далеко, были нашимъ руководствомъ. Ихъ и. высочествамъ дадутъ рѣшать находящіяся въ немъ задачи; другія же задачи выберутся въ Саундерсонѣ, въ Начальныхъ правилахъ—Кюстнера и другихъ авторовъ. Чтобы доказать, наконецъ, примѣненія алгебры къ геометріи, мы обратимся къ Курсу Зегнера, заключающаго въ себѣ большое число любопытныхъ задачъ, относящихся къ этому предмету.

*) См. «Русск. Стар.» 1870 г., т. I, стр. 34—44; 103—132; 407—419. и т. II стр. 161—174.